

**Министерство образования и науки Российской Федерации
Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л.Хетагурова**

Факультет русской филологии
Кафедра русской литературы

Дипломная работа

**на тему: «ЭВОЛЮЦИЯ ОБРАЗА ЛИРИЧЕСКОЙ ГЕРОИНИ В ПОЭЗИИ
ИННЫ БОГАЧИНСКОЙ»**

Студентки *Козловой Натальи Геннадьевны*
Курс – 5 ДО

Руководитель: *профессор, доктор филол. Наук В.З.Гассиева*

Заведующий кафедрой *В.И.Бекоев*

Владикавказ - 2005

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ВОПРОСА: СУЩНОСТЬ ПОНЯТИЯ ЛИРИЧЕСКИЙ ГЕРОЙ.....	16
ГЛАВА 2. ОБРАЗ ЛИРИЧЕСКОЙ ГЕРОИНИ В ПОЭЗИИ ИННЫ БОГАЧИНСКОЙ СЕРЕДИНЫ 70-Х – НАЧАЛА 90-Х ГГ.....	26
ГЛАВА 3. ОБРАЗ ЛИРИЧЕСКОЙ ГЕРОИНИ В ПОЭЗИИ ИННЫ БОГАЧИНСКОЙ ПЕРИОДА 1994–2005 ГГ.....	63
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	79
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	81

ВВЕДЕНИЕ

Невозможно с полной определенностью сказать, является ли поэт Инна Богачинская (да и любой другой поэт-современник) поэтом современным либо своевременным, подразумевая под первым способность идти в ногу со временем, а под вторым – умение пользоваться фактами, умение находить в своем творчестве сиюминутный отклик на происходящие события. В данной

работе мы не беремся судить, к которой из этих двух категорий отнести творения поэта Богачинской, поскольку ответ на этот вопрос можно дать лишь по истечении многих столетий, в контексте «большого исторического времени».

Инна Богачинская – поэт, журналист, переводчик, относится к «третьей волне» русского зарубежья XX столетия, личность выдающаяся, неординарная, заметная.

Начало ее поэтической биографии приходится на конец семидесятых годов: первая публикация состоялась в журнале «Огонек» за 1977 год (№1). Этот важный, насыщенный литературными событиями период жизни поэта совпадает с переменой места жительства: Инна Богачинская покидает Одессу и переезжает жить в Нью-Йорк. Только теперь, по прошествии 25 лет становится очевидным то, что русская литература не потеряла, а обрела поэта Инну Богачинскую (24, 4). Трудно предположить, как сложилась бы судьба поэта, останься она в России. Безусловно, громкая лирика и кричащая плакатность 60-х отложили свой отпечаток на характере творчества Богачинской, но, тем не менее, эпоха застоя могла обернуться для «бурлящего потока» губительным складыванием рукописей «в стол». Так или иначе, правомерно утверждать, что расцвет творчества Инны Богачинской пришелся на период жизни, проведенный вдали от родины.

В 1991 году Книга года Энциклопедии «Британника» назвала ее наиболее состоявшимся поэтом русского зарубежья. В том же году она стала лауреатом Международного фестиваля русского искусства в Чикаго. Она также была удостоена звания Поэта года в Нью-Йорке. А вот жюри ежегодного Турнира поэтов русского зарубежья «Пушкин в Британии-2004» не оценило нравственные проблемы, нашедшие место в конкурсном стихотворении Богачинской «Размышления, навеянные пушкинским «Посланием к цензору». Это и неудивительно, принимая во внимание творения победителей конкурса, наводящие на мысль, что 7 июня 2004 года в Лондоне проходило соревнование пошлой хулиганской поэзии, уместной разве лишь на заборах.

Награды и почести не влияют на мнение читателей и соратников по перу. Поэт Андрей Вознесенский высоко оценивает поэзию Инны Богачинской, видит в ее стихах органичное сочетание темпа современной жизни «с размашистой манерой жизни и рифмовки» (19) и ставит Инну Богачинскую в один ряд со «значимыми поэтическими фигурами русского зарубежья», такими как Ю.Кублановский, А.Цветков, В. Бетаки (20).

Поэт, переводчик и журналист А.Яни отмечает, что «стихи Инны Богачинской дают <...> богатую и разнообразную пищу для размышлений», а поэзия ее «непосредственна, индивидуальна, оригинальна». Автор статьи большое значение уделяет миру звуков и музыки в поэзии Богачинской, но выделяет и главные темы, волнующие поэта: «Свой творческий голос она подняла против примитивизма и посредственности, против причисления творческой личности под одну гребенку, против стандарта и банальности». Лирическая героиня ее стихов представляется Анатолию Яни личностью «идущей, борющейся за счастье, пытающейся найти ответы на острые, животрепещущие проблемы, желающей выразить себя нетрафаретно, озвучить свою душу в подлунном мире» (14, 5-10).

Отмечают также, что «ее творчество воплощает в себе очень ясные, актуальные проблемы, идеи, чувства», и что «в ее поэзии заложено и воплощено умственное, силовое начало», и вместе с тем, «в ее стихах <...> много нежности, много чувств, которые разрушают понятие о ее поэзии как об абстрактном стихотворном творчестве». Именно «силовое начало» при первичном знакомстве с поэзией Богачинской вводит слушателя или читателя в заблуждение, заставляя думать, что автор строк – мужчина (27).

Поэт Сергей Шабалин в своей статье о четвертой книге Инны Богачинской «Перевод с космического» отмечает «отстраненность Богачинской от бурно менявшегося и меняющегося ландшафта модных поэтических школ и течений», говоря о том, что они «ни коим образом не деформировали годами узнаваемую манеру письма переводчицы с космического». Восхищаясь способностью Богачинской «слышать, удивляться и чувствовать «неназванное», чтобы, заглядывая в будущее и в прошлое, находить там то, чего <...> так фатально не хватает в настоящем», Шабалин ставит «переводчице с космического» в упрек тот факт, что стихи в анализируемом сборнике «слишком тематически похожи»: «Инна чересчур овладела «своей» темой, излишне крепко оседлала строптивного скакуна однажды удавшейся формы» (34). На наш взгляд, это замечание можно отнести в разряд «придинок». Освоение «своей» темы можно считать недостатком с большой натяжкой, поскольку в мировой литературе подобный способ самовыражения не возбраняется, и многие выдающиеся поэты и прозаики остались в истории литературы именно как разработчики определенной темы.

«Своя» тема – не единственный упрек поэту. Ранние ее публикации были встречены неоднозначно: в откликах и находили признание «поэтический дар и умение писать», но слышались и упреки в «импрессионизме, декадансе, пессимизме, авангардизме и «вознесенщине». Составители словаря «Поэты русского зарубежья» отмечают в поэтическом творчестве Богачинской сочетание и «цветаевской неводержанности чувств», и «северянинское упоение собою и жизнью вообще». «Ее язык изобилует словами из лексикона научно-технической интеллигенции и неологизмами, ее темы смелы, откровенны и драматичны». Вместе с тем, отмечают «страстную публицистичность, ощущение трагического неблагополучия <...> времени в стихах Богачинской». «Высоковольтность», полученная от раннего Маяковского и Вознесенского, является источником «необычайной эмоциональной выразительности образов» поэзии Инны Богачинской: «Ее лирическая героиня то страдает от одиночества в холодном механистическом мире, то поражает окружающих стремительностью в любви или раскованностью наряда» (29, 354-355).

Наиболее подробно поэзия Богачинской проанализирована в двух работах, носящих монографический характер. Это работа Виктора Финкеля «Поэты рубежа» 1999 года (33), где на 55 страницах представлен весьма противоречивый по своему характеру анализ творчества Богачинской, а также это дипломное сочинение Е. Троскота «Человек и время в творчестве Инны Богачинской» (32), выпускника Одесского Государственного университета 2002 года.

Автор первой работы Виктор Финкель, анализируя творчество таких поэтов-эмигрантов, как Иосиф Бродский, Вера Зубарева, Михаил Юпп, пытается дать свою оценку значимости поэзии и Инны Богачинской в том числе, последовательно анализируя образ лирической героини Богачинской, его противостояние миру, мудрость, (любовную. – Н.К.) лирику и поэтический инструментарий, используемый поэтом в своем творчестве. Забегая вперед, хочется отметить, что жанр любовной лирики литературовед обозначил просто как «лирика», что на наш взгляд, является непростительной ошибкой для серьезного исследователя в области литературы.

Поэзию Инны литературовед сравнивает с камнем, катящимся с вершины, образующим лавину. Отмечается также «высоковольтность» поэзии, эмоциональную пронизательность, «бронейность скепсиса». Основываясь на лирических фактах самохарактеристики поэтессы, исследователь утверждает, что стихи Богачинской – это не «продукт холодной технической работы мозга»,

а «спонтанная реакция рвущейся наружу души». Основой поэзии Богачинской он считает «самопроизвольность», «спонтанность». Более того, «... стихи или То Всесильное, что стоит за ними используют тело поэта и его интеллект для сотворения самих себя».

Лирическая героиня поэта Богачинской – это «амбициозная молодая женщина-поэт». Именно это заставляет исследователя обозначить объект лирики Инны Богачинской как «поэтическая героиня», хотя общепринятое в литературоведении определение «лирическая героиня» также упоминается в работе. Акцентируя особое внимание на том, что при анализе творчества И.Богачинской существует «уставная, изначальная, органическая необходимость строгого и безусловного отделения» личности поэта от созданного образа, исследователь заявляет, что «Поэтическая Героиня – это человек, находящийся в напряженном противостоянии и даже противоборстве с <недружественным, завистливым, расчетливым, меркантильным> окружающим миром». Признавая трагичность персонажа, который является «стержнем поэзии Богачинской», Финкель видит в нем современного Героя нашего времени, «женский вариант Печорина». И это можно считать высшей оценкой творчества Богачинской. Но при этом литературовед выделяет два отрицательных аспекта образа лирической героини Богачинской. Во-первых, это «явная усталость Лирической Героини, <...> опустошение от взятых на себя непосильных обязанностей по «единоличному» управлению «миром» и его «исправлению». А во-вторых, это «холодное, высокомерное, пренебрежительное <...>, попросту потребительское отношение к мужчинам». Из этого становится совершенно очевидным, что мужскую половину человечества невероятно беспокоит равноправие мужчин и женщин. Недаром исследователь приводит формулу: «женщины и мужчины равны, но женщины ровнее». Не беремся судить, допустил ли Виктор Финкель орфографическую ошибку в слове «равнее», либо намеренно подчеркивает циничность выражения, так или иначе, исследователь выразил очевидный ужас мужчин перед перспективой быть «съеденным амазонками». Особенно возмущает исследователя способ «охоты» на мужчин, подразумевающий «парализующее обволакивание «интеллектуальным» разговором», затем «анестезирующее отталкивание», и в завершение получение «объекта атаки» в полноправное владение Героиней. А признание самой лирической героини себя «расписной ночной бабочкой» вызывает в душе литературоведа нескрываемое ликование, выраженное на бумаге обилием восклицательных знаков.

Небеспристрастный сугубо мужской взгляд на женскую поэзию прослеживается по ходу всей работы: «Поэтическая подневольность перед стихом, своя вторичность перед тем, что разыгрывается внутри себя, своя несвобода <...> представляется поэту, как могучий внутренний императив и моделируется им сугубо по-женски в виде беременности и неизбежных родов». Для исследователя-мужчины остается загадкой, как же можно родить стих. Именно поэтому с завидным упорством, следуя всем законам природы, литературовед начинает поиски «второго родителя» и обнаруживает «космизм генов» лирической героини Богачинской.

Высокая осведомленность исследователя в области физики, химии, биологии, физиологии порождает явление излишней насыщенностью терминами в литературном исследовании. Более того, Финкель, забывая об образности лирики, указывает поэту на ошибочное присвоение атому свойства издавать звук: «атом трубит» и объясняет доступным языком научные характеристики атома. В этом отношении, так сказать, «под горячую руку» попадает и Марина Цветаева, назвавшая в свое время атом «бледным».

Несмотря на все недочеты, Финкель делает, на наш взгляд важное открытие в характере образа лирической героини – это органичное соединение в одном образе противоположных аспектов, рожденные желанием простого человека удержаться на планке высоких моральных ценностей: «В Героине Свет и Тени четко разделились на Верх и Низ, но почти всегда присутствуют одновременно, сосуществуют. <...> в каждой точке мировосприятия героини, ее мышления и поступков присутствуют одновременно, казалось бы, полностью взаимоисключающие Добро и Зло, Альтруизм и Эгоизм, Любовь и Ненависть, Благородство и Чистота...». Героиня поэзии Богачинской в данном случае представляется в образе «кающейся блудницей», «реализованный миф о Марии Магдалине».

Оппозиция лирической героини по отношению к миру выражается в суровом принципе «Я против Всех». В понимании литературоведа «война с обществом», организованная лирической героиней является «самоцелью Поэтической Героини» Богачинской. «Поэтическая Героиня Богачинской организует конфликт. Тем самым организуется энергия противостояния, тем большая, чем больше людей в нее вовлечены». А делается все это для того, чтобы «эту ужасную, мрачную, <...> раскалено-адскую энергетическую ауру» материализовать в собственную энергию и превращать ее в стихи.

Анализируя лексику и технику поэзии Инны Богачинской, Финкель отмечает чрезмерное использование поэтом негативизмов в своих произведениях. «Неограниченные запасы словесного оружия в арсенале», по мнению аналитика, «милитаризируют» позицию лирической героини, переходя от оборонительной в наступательную. Этот поэтический метод «готовой разорваться струны», методика «радикальной хирургии» «позволяет поэту достигать исключительной образности и наблюдательности».

Подводя итог характеристики творчества Богачинской, Финкель заявляет: «Ее поэзия пространственно богата, разнообразна, интеллектуальна, высоко эмоциональна, насыщена вневременными категориями мудрости и души. Она ставит перед читателем сложные философские, этические и нравственные вопросы». Но неожиданно для всех исследователь ставит под сомнение нравственные позиции «поэтической героини», называя их неприемлемыми для «думающего и требовательного читателя». Тем самым Виктор Финкель, по непонятным причинам, оставляет поэзию «высокоодаренного», «выдающегося русского поэта» Инны Богачинской для, мягко говоря, «недумающего» и «нетребовательного» читателя.

Другая серьезная работа, посвященная анализу творчества Инны Богачинской, написанная студентом Евгением Троскотом – это дипломный проект под названием «Человек и время в творчестве И.Я.Богачинской», одна из глав которого посвящена подробному рассмотрению поэзии Богачинской в контексте категорий времени и пространства. Лирическая героиня Богачинской одновременно, по мнению автора работы, и «воплощает концепцию личности автора в высоких нравственно-этических требованиях», и «эмоционально оттеняет гражданственный пафос автора». «Лирическая героиня Богачинской – личность современная, отражающая движение, кипение и устремления XX и уже XXI века. Это – умная, честная, независимая, всегда воодушевленная женщина». Важным аспектом характеристики лирической героини Евгений Троскот видит «драматичность» восприятия, поэтому Космос является одним из способов самовыражения. «Космос и человек» в поэзии Богачинской, по мнению исследователя, сведены в единую структуру. Главные цели лирической героини Богачинской – честность и свобода. Дипломный проект посвящен, говоря по большому счету, личности самой Инны Богачинской, и хотя

лирическому герою ее произведений посвящена целая глава работы, объект лирики Богачинской представлен здесь лишь как «детище Инны», ее «внутренний ребенок», не желающий взрослеть.

Из вышеизложенного мы видим, что все материалы, анализирующие творчество Инны Богачинской, лишь в малой доле посвящены «стержню ее поэзии» - лирическому герою. Но, на наш взгляд, эта тема достаточно обширная и заслуживает подробного рассмотрения. Более того, при анализе лирики Богачинской становится очевидным факт эволюции, развития лирического героя ее стихов, хотя в предшествующих работах об этом упоминается осторожно, вскользь: Троскот видит проявление эволюции лишь в книге «Перевод с космического», «благодаря вставленным в текст эссе различной тематики» (32, 39); а Финкель лишь однажды подозревает эволюцию героини, но тут же сам и развенчивает свои подозрения (33, 46). Недостаточность разработки образа лирической героини Богачинской, необходимость рассмотрения этого образа в его развитии определяют актуальность данной работы.

Объект исследования – лирические произведения Инны Богачинской в контексте опубликованных сборников и неизданных стихотворений (период 1963 – 2005 гг.). В сферу исследования вовлекаются также ее суждения, высказанные в журнальных и газетных статьях, письмах, материалы архива исследуемого поэта.

Предмет исследования – эволюция образа лирической героини Инны Богачинской.

Цель исследования – раскрыть характер лирической героини в его развитии и позиции автора в рассматриваемом образе.

Задачи исследования:

- 1) Составление библиографии, поиск и сбор материалов по исследуемой теме;
- 2) Изучение произведений Инны Богачинской 1963-2005 гг. в отдельности каждое и системно-целостно все на уровне образа лирической героини и выражения позиции автора в нем;
- 3) Систематизация и периодизация лирических произведений исследуемого поэта;
- 4) Сопоставление образа лирической героини на всех этапах творчества Инны Богачинской и выявление основных черт характера лирической героини на каждом этапе.

Методологической основой является сопоставительно-сравнительный подход, позволяющий анализировать лирические произведения Инны Богачинской на разных этапах ее творчества.

В ходе работы были проанализированы 275 стихотворений, которые были разделены по хронологическому принципу на следующие периоды: 1) ранний период, включающий в себя произведения, написанные с 1963 по 1976 гг. и вошедшие в первую часть сборника «Подтексты» - «Монолог прошлого»; 2) более зрелый период – с 1984 по 1993 гг. – произведения, вошедшие во вторую часть книги «Подтексты» - «Диалог будущего» и в сборник «В четвертом измерении»; 3) произведения поздней Богачинской, вошедшие в сборник «Перевод с космического» и архивные материалы поэта (1994 – 2005 гг.).

На защиту мы выносим следующие положения:

- 1) Лирический герой – это образ героя в лирическом произведении, переживания, мысли, чувства которого отражены в нём, прототипом которого является сам автор. Но он не идентичен образу автора, хотя и отражает его

личные переживания, связанные с теми или иными событиями его жизни, с его отношением к природе, общественной жизни, людям. Образ лирического героя может быть выявлен на протяжении какого-либо корпуса текстов, цикла или в ретроспективе всего творчества поэта, в ходе которого возможно развитие образа лирического героя – эволюция.

2) лирическая героиня ранней Богачинской награждена оптимистическим взглядом на мир, в котором наблюдаются осторожные зачатки разочарованности жизнью, компенсируемые на данном этапе обильным описанием природы, характерным лишь раннему творчеству. Основные темы, волнующие лирическую героиню этого периода – это воспевание поэзии, движение, неблагополучные отношения с мужчиной. Лирическая героиня на данном этапе особенно остро ощущает двойственность своего образа, что можно объяснить характерной для молодого поколения позиции выбора жизненного пути.

3) в зрелом периоде творчества Богачинской возникают практически все темы, отраженные в раннем периоде, но теперь они обретают новое звучание. Например, тема жизни неразрывно связана с мыслью о суициде; мир в видении героини становится расщепленным; движение характеризуется прорывом в новые пространства; трагические мотивы приобретают масштаб глобальных катастроф; поэтическое самоопределение отягощается проблемными отношениями с критиками и редакторами. Но, тем не менее, появляются и новые категории, несущие важное значение в характеристике лирической героини: стойкость перед жизненными невзгодами, неизменно влекущая за собой состояние одиночества; чрезмерная самохарактеристика, выраженная в частом употреблении местоимения «Я»; лирическое обобщение, типизация, выраженная в использовании местоимения «мы»; появляется в лирике Личность, восставшая против «мелкоты», «мнимых ценностей» и «бездуховности».

4) тема войны и мотив преодоления трагического, на наш взгляд, составляет основной нерв поэзии И. Богачинской позднего периода. Творчество этого периода пронизано глубоким сознанием трагического состояния мира, пониманием причин этого явления и мыслью о необходимости и возможности преодоления трагизма путем активного противостояния злу, борьбы с ним – одним словом идеей воинствующего гуманизма. В поздней лирике Богачинской перед читателем предстает лирическая героиня – носитель гуманизма, стремящийся к просвещению; философ, находящийся в вечном поиске Истины; борец за культуру, вступающий в бескомпромиссный конфликт с представителями косности, с «врагами изящного»; боец, не сдающий свои позиции, но только утверждающийся в правильности избранного пути.

ГЛАВА 1. ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ВОПРОСА: СУЩНОСТЬ ПОНЯТИЯ ЛИРИЧЕСКИЙ ГЕРОЙ

Вопрос о понятии «лирический герой» до сих пор остается до конца не разработанным в современном литературоведении, хотя предпосылки к его появлению замечены уже в античной эпохе в трудах Платона (8, 158, 185) и Аристотеля (1, 45). Весомый вклад в развитие теории вопроса внесли Гегель (5, 460), В.Г.Белинский (3; 4; 5), Н.Г.Чернышевский (10; 11), Н.А.Добролюбов (6, 119, 219). К началу XX века в литературоведении сложились благоприятные условия для появления категории «лирический герой».

В данной главе мы не будем подробно рассматривать историю и теорию вопроса, поскольку она подробно представлена в работах таких крупных ученых, как Михайлов А.А., Назаренко В., Степанов Н.Л., Тимофеев Л.И., а лишь основываясь на высказываниях крупнейших критиков, литературоведов и философов, исследовавших литературное явление «лирический герой», используя примеры отечественной поэзии, мы предпримем попытку проанализировать природу появления этой категории в поэтическом творчестве по следующим, на наш взгляд, наиболее важным для последующего анализа образа лирического героя аспектам:

1. *психологические предпосылки и первоначальное понимание концепции «лирический герой»;*
2. *обоснования в пользу выбора термина «лирический герой»;*
3. *биографическое начало в лирическом творчестве;*
4. *типическое в образе лирического героя и поэтическое «мы»;*
5. *системообразующий фактор категории «лирический герой».*

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ И ПЕРВОНАЧАЛЬНОЕ ПОНИМАНИЕ КОНЦЕПЦИИ «ЛИРИЧЕСКИЙ ГЕРОЙ»

Категория «лирический герой» вызревала в сознании поэтов и их творчестве задолго до появления самого термина: поэмы Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Маяковского раскрывают нам характеры не только именованных героев, в них также присутствует некий герой, от имени которого ведется повествование, глазами которого поэт отражает свой взгляд на мир. Анализируя поэтическое творчество, критики издавна стремились дать характеристику личности поэта как в биографическом, так и в художественном плане (например, образ в творчестве И.А.Крылова, существующий наряду с многими персонажами его басен, позволяющий составить более полное представление о его творчестве).

Психологических предпосылок для «отделения» фигуры лирического героя от автора именно в XX веке наблюдается гораздо больше, чем в предыдущие времена, поскольку так называемая «расслоенность» психики становится нормой.

Интересная мысль о природе «лирического героя» как одного из принципов формирования лирического текста выдвинута в эссе Инги Кузнецовой «Поэт и лирический герой: дуэль на карандашах». Автор работы видит связь концепции К.Юнга о коллективном бессознательном с психологическим основанием категории «лирического героя»: в работе «Об отношении аналитической психологии к поэтико-художественному творчеству» Юнг определил коллективное бессознательное как врожденные, унаследованные от предков формы образов, своего рода априорные идеи, направляющие человеческую фантазию в определенные русла, но такие, которые обнаруживаются лишь в действии: в снах и художественных произведениях. Эти представления, праобразы, архетипы «проявляются лишь в творчески оформленном материале в качестве регулирующих принципов его формирования...», то есть они не определенные, конкретные образы, а их возможности. Это и может служить основанием появления «лирического героя» (40).

Термин «лирический герой» появляется в 20-30-е гг. XX века в литературоведении в противовес биографической школе. Оно было призвано отвергать прямолинейный биографизм как метод раскрытия лирического стихотворения, объяснения его образной, поэтической специфики. В эстетике формалистического направления, впервые применившего это понятие, оно

имело несомненную тенденцию оторвать образ «лирического героя» от мировоззрения автора. Объявляя «лирического героя» самодовлеющей величиной, отделяя образ от его создателя, формалистическая эстетика тем самым стремилась сделать его одним из компонентов формы стихотворения (48, 96).

Статья Тынянова вводила новое и имеющее большую теоретическую ценность понятие. *Категория «лирический герой», в первоначальном ее понимании*, при намеренной авторской установке на нее должна быть рассмотрена как конструирование биографии «литературной личности», и как искусственное построение легенды о писателе там, где установки на нее нет в его творчестве (51, 512). Другими словами, Тынянов определял лирического героя как образ поэта, миф или легенду о нем, окружающую его и предшествующую поэзии. Читатель, не будучи знаком с поэтом как человеком, знает поэта, поскольку он знает характер его героя. Впоследствии теория, предложенная Тыняновым, где подчеркивалась психологическая законченность образа «лирического героя», была значительно *упрощена*. «Это понятие активно усваивалось последующей – особенно литературно-критической – традицией и приобрело широкую употребительность в сильно упрощенном виде. Оно почти не уточнялось и стало покрывать собой в упомянутой традиции самые разные способы взаимоотношений «автора с текстом» (51, 439). Сегодня довольно распространено ошибочное представление о том, что в каждом стихотворении, в котором присутствует местоимение первого лица единственного числа, есть лирический герой; что уже самой дистанции между «я» биографическим и «я» грамматическим достаточно для создания «лирического героя». Но стихотворения от первого лица бывают разными. В повествовательном стихотворении может быть изображен просто герой (не лирический), не имеющий ничего общего с личностью поэта, но это не дает основания отрывать от личности поэта все стихи, написанные от первого лица (44, 178).

ОБОСНОВАНИЯ В ПОЛЬЗУ ВЫБОРА ТЕРМИНА «ЛИРИЧЕСКИЙ ГЕРОЙ»

В критической литературе часто используются синонимичные определения термина «лирический герой»: образ автора, лирическое «я», лирический характер, лирический субъект, субъект поэзии и т.д. В связи с этим мы хотели бы привести некоторые аргументы, в качестве *обоснования выбора термина «лирический герой»*. Во-первых, подчеркивая обобщенность характера лирического творчества, понятие «лирический герой» избавляет нас от отождествления личности поэта с тем художественным образом, который выступает перед нами в его поэзии (термины «образ автора» или «образ поэта» делают акцент на личности автора); во-вторых, это понятие подводит нас к пониманию активности лирического характера, созданного поэтом; в нем героизируются передовые черты современника, этот термин создает образ положительного героя, воплощает в себе авторский идеал («лирическое я» и «лирический характер» в этом случае представляются слишком описательными терминами, являются выражением авторской личности, авторского сознания); и последнее, термин «лирический герой» – более узкое (по отношению к термину «лирический субъект») понятие, обозначающее не всякое «я» поэтического текста (38).

АВТОР И ЛИРИЧЕСКИЙ ГЕРОЙ

Важным аспектом в разработке понятия «лирический герой» мы считаем рассмотрение *вариантов отношения автора со своим «лирическим героем»*. Грань между автором и его лирическим героем, хотя и ощутима, но степень близости, расстояние между автором и лирическим героем может быть очень различны.

Различие между образами автора и лирического героя определяется прежде всего степенью близости конкретно-биографических или психологических черт к самому автору, его психологии, мировоззрению, биографии.

1) Сознательное моделирование автором «лирического героя» (так называемая «ролевая лирика»). В этом случае «лирический персонаж» обладает полной самостоятельностью, наделен конкретными чертами исторического деятеля или лица, от имени которого ведется повествование. Например, «Гусар» А. Пушкина, вещей Олег в балладе «Песнь о вещем Олеге».

2) Дистанция между «лирическим героем» и автором колеблется от минимальной (когда личности биографическая и литературная взаимно сближаются) до полного их несоответствия. Лирический герой может быть связан с поэтом единством чувств и мыслей, единством судьбы, даже общественным положением. Но «лирический герой» может жить и более самостоятельной жизнью (43, 149). Зачастую лирический герой (как духовный образ поэта, раскрывающийся через чувства, переживания) не похож на автора, которого знают его современники. Это объясняет многие парадоксы мира лирики. Например, в то время как суровый помещик, расчетливый хозяин большого имения Фет спал крепким сном после дневных трудов, лирический герой поэта Афанасия Фета страдал и мучился бессонницей:

*Тяжело в ночной тиши
Выносить тоску души...*

А в то время, когда бравый военный Афанасий Фет совершал подвиги на поле брани или когда он стремился к повышению в чинах, его лирический герой слышал и переживал совсем иное:

*Шёпот, робкое дыханье,
Трели соловья,
Серебро и колыханье
Сонного ручья,
Свет ночной, ночные тени,
Тени без конца,
Ряд волшебных изменений
Милого лица.*

Героиня М.Цветаевой надевает разные личины и примеряет разные костюмы. Она и московская стрельчиха, и неукротимая боярыня Морозова, и надменная панна Марина, и таборная цыганка, и тишайшая «бездомная черница», ворожея-чернокнижница, а чаще всего – бедовая осторожная красавица, «кабацкая царица»:

*Целовалась с нищим, с вором, с горбачом,
Со всей каторгой гуляла – нипочем!
Алых губ своих отказом не тружусь.
Прокаженный подойди – не откажусь!*

«В сборнике «Вечер» лирическая героиня А.Ахматовой и неверная жена, и нищенка, и батрачка, и женщина из мешанской среды, которую «муж хлестал узорчатым, вдвое сложенным ремнем», и приморская девчонка» (7, 237).

Безусловно, «лирический герой» близок автору, но их личности не тождественны. «Лирический герой – это идеальная личность, какой ее представляет себе автор (трудно представить, например, лирическую исповедь мерзавца), личность, освобожденная от второстепенных и незначительных чувств. Если бы личность лирического героя и автора совпадали, то поэзия теряла бы свой смысл» (52).

БИОГРАФИЧЕСКОЕ НАЧАЛО В ЛИРИЧЕСКОМ ТВОРЧЕСТВЕ

Важным и необходимым фактором объективной оценки образа лирического героя авторы данной работы считают определение границы и роль *биографического начала* в создаваемом поэтом образе.

Биографическое начало также мало значимо для художественного воздействия лирического творчества, как мало оно значимо для эпоса и драмы. Для того, чтобы объяснить содержание стихотворения, его идейную направленность, факты биографии поэта явно недостаточны. Более того, воспринимая лирическое стихотворение, читатель не связывает его с личностью поэта. Приведем типичный пример: современникам А.Пушкина не было известно, что стихотворение «Я помню чудное мгновенье» связано со встречей поэта с Анной Керн, но воспринималось как подлинное лирическое произведение. Но в то же время, с одной стороны всякое творчество *биографично*, поскольку невозможно возникновение художественного образа без основы в личном творчестве художника. В лирическом произведении, в отличие от эпики и драмы, собственно сам автор выступает в качестве прототипа «лирического героя», передавая свой внутренний мир, свою субъективную точку зрения на мир. Но в то же время, полное отождествление биографии поэта и биографии «лирического героя» опасно превращением лирического творчества в дневник поэта. Здесь важно помнить, что биография поэта, воссозданная читателем по его стихам, *условна*.

Говоря о «лирическом герое» мы не должны забывать, что нас продолжает интересовать биография поэта, как определенной личности, его мировоззрение, развитие и т.д. Правомерно утверждение о том, что для того чтобы читателя заинтересовала биография поэта, для начала его должно увлечь творчество поэта. Так В.Белинский объяснил «главную причину неудачного литературного инкогнито графини Ростопчиной»: «Истинный талант, особенно при общественной и личной значительности, есть враг всякого «инкогнито» (4, 454).

ТИПИЧЕСКОЕ В ОБРАЗЕ ЛИРИЧЕСКОГО ГЕРОЯ И ПОЭТИЧЕСКОЕ «МЫ»

Как и всякий художник, лирик рисует образ – художественное обобщение. Переживание, которое он рисует в лирическом стихотворении, представляет собой характерное переживание, обобщающее настроения общества, с которым он связан (9, 272). Лирика, по сравнению с прозой и драматургией, всегда более субъективна, но это не отрицает подчинение лирики законам *типизации* (42, 44).

Успех лирического произведения во многом определяется силой воздействия на читателя, которое невозможно, если излияния автора не находят отклик в душе публики. Личный опыт в поэзии непременно связывается с опытом общественным, поскольку поэт принимает непосредственное участие в жизни общества. Эту мысль отразил Н.Г.Чернышевский в статье «Стихотворения Н.Огарева», говоря о том, что в творчестве Огарева «нашел свое выражение важный момент в развитии

(современного – *Н.К.*) общества», потому что «лицо, чувства и мысли которого вы узнаете из поэзии г. Огарева, лицо типическое» (10, 44).

Белинский В.Г., придавая большое значение типичности образа, в свою очередь говорил: «Для поэта не существуют дробные и случайные явления, но только одни идеалы или типические образы, которые относятся к явлениям действительности, как роды к видам, и которые, при всей своей индивидуальности и особенности, заключают в себе все общие, родовые приметы целого рода явлений в возможности, выражающих собою одну известную идею (3, 405). Так в этом высказывании четко прослеживается мысль критика о связи типического образа и идеального. Цель типизации, обобщения – стремление к идеалу.

Поэтическое «мы» в творчестве поэта появляется тогда, когда поэт хочет написать от лица поколения, от лица многих. Лирический герой может быть квинтэссенцией представлений поколения о себе.

СИСТЕМООБРАЗУЮЩИЙ ФАКТОР КАТЕГОРИИ «ЛИРИЧЕСКИЙ ГЕРОЙ»

А.Дымшиц определяет лирику как один из «самых тенденциозных видов литературного творчества», авторское отношение в котором присутствует всегда. Принимая во внимание «стянутость, сжатость» лирики, необходимо учитывать, что «характер не может быть прослежен в коротком лирическом стихотворении» (38). «Сущность образа, его итоговый, окончательный смысл выступает не сразу, не извлекается коротенькой цитатой, не поддается простому пересказу...» (45, 131). Отдельные состояния, по мере проявления их в творчестве поэта, позволяют читателю составить общий образ лирического героя лишь в ретроспективе всего творчества поэта или определенного цикла произведений. Следует заметить, что лишь рассмотрев образ лирического героя в контексте всего творчества поэта, можно сделать вывод, находится ли лирический герой в статическом состоянии, либо претерпевает эволюцию.

Подводя общий итог вышесказанному, хочется отметить следующее. Понятие «лирический герой» хотя и давно бытует в российском литературоведении, тем не менее не получило достаточно четкого определения. До сих пор возникают в периодике публикации, ставящие под сомнение правомерность существования этой категории в лирике. Одной из последних подобных работ является статья И.Кузнецовой «Поэт и лирический герой: дуэль на карандашах», вышедшая в 2004 году (40), но более значимыми разработками мы, тем не менее, считаем работы перечисленных выше теоретиков в области литературоведения, выступающие в защиту концепции «лирический герой».

В целом, представленная в этой главе систематизация определений понятия «лирический герой» позволяет сделать следующий вывод:

Лирический герой – это образ героя в лирическом произведении, переживания, мысли, чувства которого отражены в нём, прототипом которого является сам автор. Но он не идентичен образу автора, хотя и отражает его личные переживания, связанные с теми или иными событиями его жизни, с его отношением к природе, общественной жизни, людям. Образ лирического героя может быть выявлен на протяжении какого-либо корпуса текстов, цикла или в ретроспективе всего творчества поэта, в ходе которого возможно развитие образа лирического героя – эволюция.

ГЛАВА 2. ОБРАЗ ЛИРИЧЕСКОЙ ГЕРОИНИ ПОЭЗИИ ИННЫ БОГАЧИНСКОЙ СЕРЕДИНЫ 70-Х – НАЧАЛА 90-Х ГГ.

Творчество каждого значимого поэта и писателя – это большой трудный жизненный путь, на котором нередко встречается непризнание, граничащее с изгнанием. Чем сильнее гонения, тем ценнее становится каждое слово поэта. Белинский писал: «...чем равнодушнее и холоднее толпа к делу искусства, тем выше и поразительнее торжество искусства над толпой» (3, 396).

«Писательская судьба – трудная, жуткая, коварная судьба», – говорил А.Блок на пороге XX века. Но судьба поэта никогда и ни в какую эпоху не была легкой, иначе эта поэзия теряет свою эстетическую ценность. Страдания – одно из необходимых составляющих творчества человека мыслящего.

«Писатель – растение многолетнее. Как у ириса или у лилии росту стеблей и листьев сопутствует периодическое развитие корневых клубней, – так и душа писателя расширяется и развивается периодами, а творения его – только внешние результаты подземного роста души» (36, 125-127). Сказанное о поэте Блоком можно отнести и к творчеству Инны Богачинской.

Цель данной главы – выявить характерные черты образа лирической героини.

Цель главы определяет следующие задачи:

- 1) отбор и систематизация произведений раннего и зрелого периода творчества Инны Богачинской в качестве объекта исследования;
- 2) анализ образа лирической героини Богачинской отобранных произведений;
- 3) сопоставление основных черт характера исследуемого образа в соответствии с указанным периодом творчества И.Богачинской.

Объектом исследования данной главы, согласно установленной периодизации, считаем сборники произведений Инны Богачинской «Подтексты» и «В четвертом измерении».

2.1. ЛИРИЧЕСКАЯ ГЕРОИНЯ РАННЕЙ БОГАЧИНСКОЙ СЕРЕДИНЫ 60-Х – 70-Х ГГ.

Основное место в лирике раннего периода занимает тема воспевания живой жизни. Лирическая героиня И.Богачинской принимает и наслаждается жизнью, предпочитая любые ее проявления «мертвому покою»:

*Я люблю этот мир неподдельный,
Быстроногий, ершистый, живой. <...>
В этом – жизнь. В этом – жизнь.*

В самом деле.

В этом жизнь, а не мертвый покой. (14, 13)

Лирическая героиня наполнена жизнью, как бурлящий кубок. Она готова принять от жизни все, даже тоску:

*Эта грусть – от желания выстрадать
Все, чем жизнь голодна и щедра,
Все ее недомолвки и выстрелы... (14, 37)*

Но, несмотря на то, что «в этой жизни все приходит поздно» (14, 20), несмотря на то, что жизнь без конца на что-то «голодна и щедра», лирическую героиню не покидает «жадность» к «сиреневым переменам», даже если при этом существует опасность упасть «под откос» (14, 14). Жизнь в восприятии лирической героини – «качели», «воздушные шары» (14, 29): то превозносит

ввысь, то бросает в пропасть. Но героиня раннего периода оптимистически воспринимает все невзгоды, веря, что «все к лучшему/ В этом лучшем из всех миров» (14, 14).

Хотя уже в этом периоде замечены зачатки разочарованности в восприятии мира:

*Так почему же с каждым годом резче
Меж нас непонимание – как смерч?* (14, 23)

Но здесь острые вопросы о расщепленности мира, так сказать, «повисают в воздухе», остаются без ответов. Задаются они главным образом в состоянии растерянности, а недовольство некоторыми обескураживающими аспектами жизни преимущественно перетекает в восхищение природой, прелести которой оправдывают несправедливость жизни в глазах лирической героини.

Описание природы вообще свойственно только раннему периоду творчества Инны Богачинской. Лирическая героиня ее поэзии «справляет свое новоселье» в «ершистом, живом» мире

То со снегом, то с мокрой листвой. (14, 13)

Среди суровой зимы неожиданно в восприятии лирической героини «оживает овражек», обретший

*...Под малиновый перебор
Одичалой березы танец...* (14, 14)

Осень ассоциируется с «рыжехвостым котенком», прыгнувшим ей на колени. Весна, в восприятии лирической героини, пробуждая природу, выставляет ее «как девчонку, обнаженную напоказ».

*Весенние кровоподтеки –
Осложнения после зимы.*

Но, встрепенувшись, проснувшись, прозрев, природа кружит в танце «потоків улиц», вплетая «разноцветные нити дождей», «деревья улыбаются», «тюльпаны сливаются в поцелуе», «вода играет на арфе» (14, 27).

В образе лирической героини ранней Богачинской сочувствие и сострадание находят свое отражение, но здесь они преследуют узкую направленность по отношению к одной конкретной личности. Так героиня не отворачивается от падшей женщины, напротив, призывает ее одуматься и найти себя (14, 22); так же лирическая героиня оплакивает рано унесенную «онко-призраком» жизнь, втиснутую в оторванность палаты (14, 24). Вместе с этим возникает осознание своего назначения, необходимости *быть*, нести людям свет в этом «расщепленном внутри» мире:

*А в ответ – как пляска бури,
Как возмездие уму:
«Если ты гореть не будешь,
Если я гореть не буду,
Если мы гореть не будем,
То, кто тогда рассеет тьму?..»* (14, 32)

В звучании этого вопроса-призыва людей к объединению явно проступает образ горьковского Данко, отдавшего свое сердце во имя спасения своего народа. Надевая маску Данко, рискуя быть раздавленной толпой, лирическая героиня Инны Богачинской не сдаётся, хотя явно осознает тщетность своих попыток в одиночку образумить человечество. Именно поэтому уже в ранний период лирическая героиня примеряет и маску Дон Кихота:

*Но другое судьбой намечено –
Риском выручив высоту,*

С ветряною сражаюсь мельницей... (14, 30)

Литературные реминисценции – нередкий гость на страницах лирики Богачинской. Ранний период творчества охарактеризовал себя, в частности, отсылками к творчеству Горького и Сервантеса. Лирическая героиня ранней Богачинской предстает перед читателем в качестве борца, готового целиком и полностью пожертвовать собой за идею. Однако, анализ раннего творчества показывает, что на данном этапе героиня не до конца осознает, за какую идею она готова на самопожертвование, или же на данном этапе лирической героине просто не хватает «голоса» озвучить эту идею.

Несогласованность ранней лирической героини с окружающим миром выражается во внутреннем разладе. Лирическая героиня, неожиданно для себя, вступает в жестокий конфликт сама с собой. Мы наблюдаем раздвоение образа лирической героини:

*Но – горд противник. Кстати –
Он – это я сама.
Вечно слиты в конфликте.
Оба – вынь да положь! <...>
Но без него мне скучно. (14, 33)*

Одна конфликтующая сторона отстаивает право на индивидуальность, другая – призывает к умиротворению. Побеждает первая:

*Но все-таки иду,
Беспутная, на красный. (14, 26)*

Двойственность персонажа проявляется и в перемещении лирической героини в пространстве по отношению к самой себе: «подняться над собою», «я от себя ухожу к звездам», «обогнать себя» (14, 16, 25, 26).

Категория движения в пространстве имеет большое значение в лирике Богачинской на всех этапах ее творчества. Лирическая героиня раннего периода, признаваясь в любви к «ненасытной магии гонок», ощущая острую необходимость «призрачных дорог» и «неудержимых, безрассудных станций», еще раз подтверждает тягу к непредсказуемости земного жизненного пути и стремление «ощутить Галактики движенье» (14, 13, 20, 25). В этом движении, отрицая «мертвый покой», лирическая героиня и примеряет маску «цыганки»:

*По нраву мне кочевье,
Цыганские шатры. (14, 29)*

«Цыганка, кочующая в картах» определяет мятежную сущность героини произведений Богачинской: «Во мне цыган кочующий поток» (14, 25).

Одним из качеств личности, выделяющих лирическую героиню из толпы, является пылкость ума, стремление к познанию истины. Она, в спешке «незнаемым напиться» (14, 26), вступает в спор с самим Козьмой Прутковым, вобравшим в себя, как известно, мудрость многих эпох:

*Пусть головой рискую –
Характер мой таков:
Что все объять смогу я,
Не прав Козьма Прутков. (14, 29)*

Следует обратить внимание на то, что безрассудный спор – характерная черта, присущая лишь ранней лирической героине.

Как нами было отмечено выше, Виктор Финкель в своем анализе творчества Богачинской обозначает ее лирическую героиню как «поэтическая героиня», тем самым еще раз напоминая, что образ создаваемый поэтом Богачинской в первую очередь – поэт. Дистанция между поэтом и объектом поэзии в данном случае минимальная, но не следует забывать в

характеристике лирической героини, что все же дистанция присутствует. Как было отмечено в теоретической главе, поэт и образ создаваемой им поэзии – не одно и то же. Автор в лирике – прообраз, прототип лирического героя. Основываясь на этом утверждении, продолжим наш анализ. Итак, лирическая героиня Богачинской – поэт. Именно это определяет обилие лирических произведений, посвященных поэзии и самоопределению лирической героини в этой сфере деятельности.

В стихотворениях, посвященных поэзии лирическая героиня с достаточной полнотой выказывает свое понимание призвания поэта. Она призвана здесь раскрывать отношение Инны Богачинской к творчеству, понимание ею творческого акта. «Наедине с листом» героиня пытается не раз постигнуть сущность:

*Себя ли проиграть
Иль выиграть бессмертье
Я тороплюсь?*

Процесс творчества – это уникальная возможность «сполна/ В бездонность окунуться./ И поиграть в слова...».

Рождение стиха сравнивается с рождением ребенка:

*Беременна опять.
Строка стучится в сердце.
<...> Молитвенно в себе
Беременность храню.
Зачатья волшебство.
Рожденья высший праздник. (14, 26)*

Но существует опасность невысказанности, и тогда «не выпущенный» из «душегубки тяги к совершенству» стих становится

*До того обманчив и безоружен,
Как искусанные в бессильи губы,
Как осколок, извлеченный из сердца.*

Но не оставляет надежда, что «нерожденный стих» взлетит «феникс-птицей». Героиня одушевляет стих, создает для него свой мир, со своими законами и правилами, которым обязан подчиняться каждый, кто входит в сферу его обитания:

*Стих, блуждающий в лабиринте!
Стих, не ставший сырьем для кремации!
У него своя Хиросима.
Свои Ренессансы и зверинцы.
Свое отделение реанимации.*

Лирическая героиня предъясняет свой стих обществу, окружающему миру и как «закрытую визу», и как «гранату», обещающую взорваться «на губах немых и усталых» (14, 15).

Среди мира условностей и законов, стих позволяет лирической героине, а, следовательно, и автору, создавшему ее, обрести определенную долю свободы. «Почему нельзя потише,/ Попрочней и постандартней?» (14, 32) – спрашивает себя героиня поэзии Инны Богачинской и продолжает не подчиняться ни одному из литературных стилей и направлений: «Строчки рвутся невпопад. С ними сладу нет...» (14, 31).

Не стандарты, стили и направления определяют поэзию Инны Богачинской, а мысли, рожденные жизнью, высоко ценимые ею. В стихотворении «Монолог скупщика мыслей», автор моделирует ролевого героя – скупщика:

Скупаю утильмысли всех размеров...

*Продавайте мысли! Освобождайтесь от лишних
хлопот!* (14, 41)

В стихотворении «Ответ скупщику мыслей» - ответчика. Эти два стихотворения можно считать и одой мысли, мышлению, а также – началом большой темы, беспокоящей лирическую героиню на протяжении всего творческого пути: это тема Личности, противостоящей серости, посредственности. В качестве подобной личности выступает лирическая героиня в маске «ответчика скупщику мыслей»:

*Вдруг ответ последовал выстрелом:
– Бросьте охотиться за чужими мыслями!*

Первые же строки стихотворения выдают твердый характер лирической героини Инны Богачинской, непоколебимую сущность борца, которая много раз еще проявится в лирических произведениях. В духе Маяковского лирическая героиня призывает скупщика мыслей:

*<...> Уважаемый скупщик,
Перемените профессию!
Может, это для вас не так уж и весело,
Но – объявите себе войну.
И, наконец-то, сами выдайте мысль,
хотя бы одну!* (14, 42)

Так же вздыхал Маяковский:

*О, хотя бы
еще
одно заседание
относительно искоренения всех заседаний!* (25, 28)

Значительное место в лирике уделено любовной тематике. Лирическая героиня большое внимание уделяет взаимоотношениям с мужчинами. Любовь, в понимании героини, – это и «боль», и «сгусток ветра и света», и «непокорность», и «Солнце заката», и «День в храме Ночи». Состояние влюбленности сравнивается с одержимостью «белыми бесами» (14, 17, 19).

Лейтмотив, сопровождающий образ мужчины – тепло. Мужчина – это «горсть/ Тепла забытого однажды».

*<...> И не заметил
Каким теплом очаг твой светел –
Теплом от рук.*

Взаимоотношения с мужчинами – это боль, непонимание. Любимый мужчина превращается в «кость, что жалит горло». (14, 40)

*Первая любовь <...>
Даже уже не боль,
Только немного... (14, 17)*

Любовь – это вечная борьба за выживание:

*Выжить не удалось,
Но победить немало.*

*Сколько еще звонков?
Сколько дуэлей,
И от сколько волков
Я уцелею?*

*Мне с тобой уноситься надо бы
И неплохо бы уцелеть.* (14, 17, 18, 30)

В стихотворении «Синий разговор» лирическая героиня ведет монолог от лица мужчины и пытается хоть на минуточку заставить его быть «спокойным и сильным», достичь идеала в понимании героини. Здесь четко прослеживается динамика типичных отношений между мужчиной и женщиной: мужчина не прислушивается к голосу женщины – «не расслышал – ты просишь...»; затем не скрывает негодования – «...ты все просишь и просишь<...>/ На тебя даже злятся кони»; твердо отказывает – «не проси»; в конце концов, с осознанием потери приходит и раскаяние – «Вспомню все, о чем ты просила», потому что лирическая героиня заняла все пространство в душе этого мужчины:

*Я тобою, как кресло занят,
Не осталось ни капельки места
Для других в этом чертовом кресле.*

В душе героини тоже «распахнулось отверстие – / Пространство, занимаемое когда-то» мужчиной. Но теперь уже ей не интересны ни «блуждание по ночи», ни рассказы «о росинках/ И о снах, что видит осина...»(14, 38). Мужчина окончательно разочаровал ее, он не соответствует идеалу. Расставание с ним грозит холодом и темнотой:

*Очаг, что грел
и что был светел, –
Потух.
Вянет платье из лилий
И свеча догорела.
Свечка догорает.
Встрепенулись черти. (14, 19, 21,40)*

Таким образом, лирическая героиня ранней Богачинской награждена оптимистическим взглядом на мир, в котором наблюдаются осторожные зачатки разочарованности жизнью, компенсируемые на данном этапе обильным описанием природы, характерным лишь раннему творчеству. Основные темы, волнующие лирическую героиню этого периода – это воспевание поэзии, движения; неблагоприятные отношения с мужчиной. Лирическая героиня на данном этапе особенно остро ощущает двойственность своего образа, что можно объяснить характерной для молодого поколения позицией выбора жизненного пути.

2.3. ЛИРИЧЕСКАЯ ГЕРОИНЯ БОГАЧИНСКОЙ 80-Х – НАЧАЛА 90-Х ГГ.

Более зрелый период творчества Богачинской охарактеризовал себя менее оптимистичным взглядом лирической героини на жизнь:

*Меня больше не забавляет
Моей жизни бредовый сюжет.*

Обида, депрессия, «желанье исчезнуть» рождают частое упоминание в стихотворениях «петли», остроты лезвия, бритвы, ножа (14, 65, 66, 72, 76, 87, 115).

*Мне знакомы пинки и подножки,
злословья и клички,
И желанье исчезнуть,
свой срок до конца не отбыв. (14, 54)*

Теперь лирическая героиня по-другому определяет жизнь: это и «моноспектакль», и «забег»; это вечное «только себя распознать и идти»; это банальное «расстояние между первым вздохом и последним»; это и

«именинный торт, который праздник предвещал почти что». Лирическая героиня признается, что ей жестко жить в «человеческом комплексующем муравейнике» (15, 26, 35, 37, 133, 153, 161). Но больше всего возмущает героиню поэзии Инны Богачинской тот факт, что за чью-то одну жизнь, важность и особенность которой можно и нужно ставить под сомнение, отбираются сотни невинных:

*Сколько стоит пожертвовать жизнью,
Чтобы спасти одну? (15, 135)*

Следует также отметить, что в отличие от обильного присутствия в ранней поэзии воспевания природы, в зрелом периоде природа сводится лишь к лирическому описанию суток. Глобальность, обширность в рамках года (осень, весна) сменяется на более узкое понимание времени: каждый прожитый день ценится своей неповторимостью. Основное внимание уделено описанию рассвета, рождение дня сравнивается с рождением ребенка, где «тайну зачатья/ Подсмотрела Луна», где «ночь беременна днем», и «последние схватки» – «день родился» (14, 85).

*Сомкнула ночь свои уста сурово.
И день замкнулся, растворившись в ней. (15, 120)*

Вторая часть книги «Подтексты» – «Диалог с будущим» – открывается риторическим вопросом: БЫТЬ ЛИ МИРУ ЖИВЫМ? (14, 41). Мир, в котором теперь живет лирическая героиня Инны Богачинской – это некое изобретение, на которое почему-то изобретатель «не выдал патента», в этом «театре единственного актера» «заправляет недвижимость», его «взрывает глоткой взорвавшегося реактора». Лирическая героиня, так «с миром не подружившись», не теряет надежды найти мир (в значении «покой») в мире, «где души раздеты» (14, 51, 60, 65, 124, 134,):

*Нету мира под оливами,
В королевстве Эльсинор,
Мира нет в Нью-Йорке, в Ливии,
В наших душах заодно. (14, 89)*

Мир, увиденный и отраженный лирическим героем, лишь один из аспектов мира, постигаемого самим автором, он включен в авторское сознание, выражает мировоззрение автора, хотя и не прямо, но в косвенной, «преломленной» форме (48, 99).

В стихотворении «Памяти Саши Алона» лирическая героиня, расспрашивая своего рано ушедшего из жизни друга о том мире, где он сейчас обитает, подспудно дает характеристику тому миру, в котором живет сама:

*Как Вам пишется там,
где ни слов,
и ни пуль,
и ни распрей,*

*И где сердце
навылет
не вспорет
зарвавшийся нож?*

Затем, сетуя, но уже прямо, без намеков, продолжает характеристику:

*Здесь такой же аншлаг
на кабацкие
моно-спектакли.*

*И в фаворе безгласость.
И пир на поминки похож. (14, 63)*

Во второй части книги «Подтексты» мы уже не встретим восторженного восхищения миром, характерного для лирической героини раннего периода:

*Как же все-таки мил и странен
Этот мир, что в подарок нам дан! (14, 27)*

Если выразиться точнее, то в более зрелой лирике из определения мира «мил и странен» исчезло «мил», зато укоренилось и нашло свое развитие «странен». Основная проблема все больше и больше беспокоящая лирическую героиню этого периода – это проблема *расщепленности, разобщенности* мира. Но в этом сборнике она не приобретает той значимости, которую получит в последующих творческих работах. Зато здесь лирическая героиня задает главный вопрос, ответ на который ей предстоит искать на протяжении всего творческого пути.

*Как вам видится мир?
Обескровленным?
Ну, а мне расщепленным внутри,
Людоедствующим сокровищем...*

*Мы злокачественно разобщены
Людоедством. (14, 105, 131)*

Лирическая героиня не может остаться равнодушной к «хронологически неизменяемым темам», таким как

*Отчужденье. Разрывы. И рознь меж детьми и отцами.
Мы не с ними, не с вами, не с этими, и не с теми.*

(14, 129)

Человечество, зараженное, обожженное «бациллой бесконтактности», воздвигает «меж собою стены» и поэтому живет, как «в зале ожидания», молчит, «замурованное, как монастырь», уткнувшись в телепрограммы, разрываемое враждой (14, 106, 133). Всерьез обеспокоенная «диффузией душ, расщепленных собой», лирическая героиня предпринимает безуспешную попытку найти «неисчисляемую единицу отсчета расстояния между душами»: «На этой космической станции каждый из нас ошалело - один» (14, 87; 15, 35, 144).

*И опять осознаешь
пустынность
своих
островов.*

*<...>Где руины,
шедевры,
и в тысячи миль –
НИ-КО-ГО... (14, 96)*

Не согласная мириться с таким раскладом, лирическая героиня находит только один выход и выступает с призывом: «Преступите разобщение!» (14, 134). Вероятно, именно поэтому так часто фигурирует в лирике образ телефона (который «молчит, как преступник»), используемого не только в качестве средства связи между людьми, но по большому счету, как надежда, как соломинка утопающему, единственная возможность найти в этом мире родственную душу.

Проблема разобщенности мира людей рождает новые грани характера лирической героини: стойкость, бескомпромиссность. Для нее жизненно важно «парус не опускать», «крыльев не складывать», «против ветра стоять» «в полный рост» (15, 52, 80).

Отрицая стандарты, осознавая свою неписываемость, героиня обрекает себя на изгнание из «элитарного стада», смело оставляет свою личность «по ту сторону баррикады».

*Существую я с вами в одном,
Но раздвоенном мире...*

*Я в этой Вселенной своя,
но среди своих я – чужая.*

(14, 70, 87)

Вполне осознавая и соглашаясь с «необитаемостью» своего существования», сравнимого разве что с необитаемостью Марса, лирическая героиня предпочитает жить «бескомпромиссно», оставаясь собой, даже если при этом придется быть «отверженной» (14, 57, 108).

*Спасибо и тем,
кто из стада меня исключает*

*Наверно, затем,
что я чем-то от них отличаюсь.* (14, 80)

Но, даже принося слова благодарности отвергнувшему ее «стаду», лирическая героиня обеспокоена разрушительной силой своей собственной стойкости и бескомпромиссности, безусловно влияющими на ее собственную жизнь:

*Буду жить своей иконой,
Постигать значение.*

*Я как кошка Киплинга,
Сама по себе.
Пробегаю гибельно
По своей судьбе.* (14, 71, 73)

Неписываемость лирической героини в рамки окружающего мира, постоянно довлеющего над ней своими законами, порядками, стандартами, опасно для нее самой изолированностью от «серой толпы»: «Быть избранным – награда одиночек». Осознавая это лирическая героиня «по этому свету привыкла скитаться одна» и «взбираться на пик автономно» (15, 62, 83, 184).

*Этот праздник
высшего с собою контакта –
Есть самое блаженное из одиночеств.* (15, 158)

Говоря по большому счету, категория *одиночества, одиночества* в лирике Богачинской изображена в двух ипостасях:

«одиночество – обособленность от толпы» и «одиночество – духовное взаимонепонимание женщины и мужчины» (одиночество вдвоем).

В зрелой лирике перед нами вновь предстает двойной персонаж, спорящий сам с собой: дух, не укладывающийся в земную плоть. Но теперь уже двойственность проявляется не в спорах с самой собой и категории движения по отношению к пространству и себе, а, преимущественно, в противоречивой самохарактеристике лирической героини. Это одновременно и «охотница и мишень», «юродивая и титан», «обреченная и хирург», «подсудимая и судья», «монашка и грешница», уставшая «грешить и с собой бороться» (15, 66-68, 118, 128).

Стремление к вечному движению, упоминаемое выше, сохранилось и в зрелом периоде. Самолет для нее – «конь воздушный», чьи «авиакрылья всегда выводят из комы», «дурманящая блажь спонтанных поездов» сбивает с пути, «вокзалы заражают». И «есть неодолимая к движению охота...», и «нет

заманчивее стимула, чем смена мест...». Наверное, единственное, чему безропотно подчиняется лирическая героиня – это импульс «вставай и вперед» (15, 19, 31, 54, 72, 83, 185).

Я не гожусь для якоря.

Я – вечное движенье. (15, 97)

Глаголы, наиболее часто используемые в обозначении движения: мчусь, иду, прорываюсь, отступаю (15, 23, 24, 33, 44, 46, 56). Особый интерес вызывает направление: из «Выхода нет» во «Вход воспрещен», «крамольно трехмерность нарушив» (15, 33). Но самое главное движение – только по направлению вверх:

Но чтобы в душе не творилось –

Важно движение вверх.

Есть движение. Нет вершины. (15, 135, 166)

Подобное стремление ввысь рождает частое появление образа Космоса (14, 25, 26, 37, 56, 67, 70; 15, 24, 110, 145, 149).

Как было отмечено, в ранней лирике Богачинской одной из особенностей лирической героини является поиск истины. В более зрелом периоде эта черта характера открывает нам личность, обращенную к философии Фрейда и Ницше (15, 109, 116), вооруженную множеством мудрых изречений:

Есть в простоте особая структура –

Сложнее не найти.<...>

Свободен тот, кто к миру не прикован,

Тот, кто терять готов.<...>

На мудреца довольно простоты.<...>

Под этим небом ничего не ново.<...> (15, 22)

Нам дороже рожденные нами,

Чем породившие нас. (15, 36)

...Осилит дорогу идущий. (15, 53)

Великое не греется величием.

В нем схватки истин и полет пера. (15, 61)

Обжечься – безопасней чем остыть. (15, 62)

...тоннами лиха платила за кроху добра. (15, 82)

Нет в своем королевстве пророчеств.

В нем – сожрут, если не соврешь. (15, 181)

Что теряем – смакуем.

Получив – не храним. (15, 140)

Все течет. (15, 53)

Хоть и горьки плоды познания,

Выбираю знать и уметь. (15, 66)

Но, даже приняв в оборот чуть ли не всю мудрость на свете, лирическая героиня, тем не менее, продолжает «гонку за неуловимостью нераскупоренных истин», отдавая «все невозможное только за то, чтоб к мудрости высшей хотя бы на миг прикоснуться» (15, 25).

Нередки в лирике Богачинской реминисценции. Наиболее часты переключки с поэзией М.Цветаевой:

Ибо раз голос тебе, поэт,

Дан. Остальное взято. (М.Цветаева)

Выходит, правда, раз голос дан,

Значит, не будет спуску. (14, 75)

Случилась с собственным Голосом.

Легче – если б была немая. (15, 181)

И по контрасту:

*Моим стихам, написанным так рано,
Что и не знала я, что я поэт... (М.Цветаева)
Моим стихам, написанным так*

поздно...(14, 112)

Как известно, литературные реминисценции составляют одну из разновидностей неавторского слова. В лирике Богачинской использование реминисценции однозначно знаменует приятие и одобрение поэтом его предшественников, следование установленным ими литературным традициям. Можно процитировать много точных и уместных ссылок, указывающих на литературные корни поэзии Богачинской, но в данной работе мы лишь ограничимся перечнем поэтов, лирика которых нашла художественно-образный отклик в творчестве Богачинской: Пушкин, Бродский, Вознесенский, Высоцкий и особенно Цветаева.

Зрелый период творчества сохраняет раннее поэтическое самоопределение лирической героини. Но теперь простое воспевание поэзии, характерное раннему периоду, отягощается проблемами, непременно сопровождающими любое творчество. В лирике Богачинской мы можем встретить обращение к своему Персонажу, и к читателю (14, 74; 15, 100). Но наиболее часто встречаются обращения к редактору, причем под самыми разными именами, но несущими в себе одну семантику – «обидчик»: «злопахатель», «Некто карлик», «развенчиватель», «мудрый раб вранья» (14, 107, 121).

*Вкривь ампутировали строки.
Слова лишили кислорода.* (14, 90)

Героиня стихов Богачинской, «вырывая из сердца горящую строку», «существуя в полетном угаре творчества» (15, 151, 175), не намерена подчиняться ни одному «карлику», редактирующему ее поэзию:

*Но ни под каким напряженьем не стану себя заземлять.
Оборванным клином моя стихограмма повиснет.
И все воспаленные строки во мне заболят,
Но я не знавала еще безболезненных высей.* (15, 174-175)

Проблема «признания/непризнания» таланта также волнует лирическую героиню, которую вдоволь «в застенках мусолила периодика», чей формат «не уместается в журналах» (15, 36, 61). Ее возмущает несправедливое отношение «отечества» к своим «пророкам»:

*Игнорируем авторский вечер,
Предпочитая посмертные вечера.* (14, 132)

Успокаиваясь только знанием того, что «самые достойные признали» (15, 61), тем не менее, лирическая героиня выступает с призывом не дожидаться, когда будет поздно, а уже сейчас признать живых,

*Ведь признание – плата живым,
А не мертвым.* (14, 48)

Лирическая героиня «вооружена» своим творчеством в борьбе с несправедливостями жизни, предьявляет свой стих «вместо налоговой декларации», напоминая всему миру о недооцененной силе поэзии:

*Не забыть бы влияние моськи
На мировой процесс...* (14, 103)

Следует отметить, что в более зрелой лирике присутствует, несмотря на обособленную позицию лирической героини, приобщение ее к обществу. Это выражается в первую очередь, в преобразовании лирического «я» в «мы».

Причем, это «мы» обобщает в себе разные группы людей – это всегда «я» лирической героини и еще кто-то: мы – поколение, мы – поэтическая каста, мы – я и мужчина, мы – человечество. Использование местоимения множественного числа «мы» во всех перечисленных категориях, за исключением «я и мужчина» призвано придать лирике гражданское звучание.

Несмотря на появление обобщенного «мы», тем не менее, доминирующее место занимает тема самовоспевания. Лирическая героиня дает сама себе характеристики и определения. Местоимение «я» появляется или подразумевается в 43% лирических стихотворений сборника «Подтексты», такой же процент в сборнике «В четвертом измерении», что составляет чуть меньше половины всего объема книг.

Такие имена дает себе героиня в сборнике «Подтексты»: «игрок, тянущийся к звездам», «обреченный на провал агент», несломленная «Личность, ни перед кем не склонившая головы», «раскольница», «набросок», «пилигрим», «идея, / Духовный эмбрион, / Образчик для Музея/ Задуманных Племен», «мишень», «белокурая русалка» (имя, которым назвал ее А. Вознесенский), «цыганка, кочующая в картах», «Летающий Млечный Объект», «несклоняемое существительное», «бунтарка и жар-птица», «бельмо в толпе», «женщина-подросток» (14, 26, 54, 62, 68, 72, 84, 94, 100, 107, 120).

Имена в сборнике «В четвертом измерении»: «стажер», «белая ворона», «подголосок дуэта из полифонической уличной фантазии», «островок, окруженный акулами», «мимолетность», «знамя, что не спускалось ни в каком аду», «неразгаданная расписная ночная бабочка», «белая тайна и белая бестия», «небожитель во плоти», «ветка сломанная», «хроническая паломница», «несдерживаемый крик», «обольстительница чертей», «прелюдия, не перешедшая в фугу», «Джульетта», «вечное движенье», «черный ящик», «вечное начало», «непрочтенная версия драмы», «уравнение с невычисляемыми неизвестными», «избранница улиц, их творенье и грех», «несуразная чья-то выдумка», «небесных игр отголосок», «посланница суперсемейства Рыбы», «посыльный, проникший в людской заповедник», «бесприданница», «плод чьей-то фантазии», «вымысел чей-то бузовый», «свободы избранница», «инопланетянка», «праведница во плоти», «сама для себя загадка/ И сама – разрешение ее», «травинка нескошенная», «анестезия», «звездная дочь», «Алиса в зазеркалье» (15, 29, 43, 45, 46, 49, 83, 86-87, 93, 97, 129, 140, 151, 156, 170, 173, 175, 182, 183, 187).

Эпитеты: «одичалая», «ветреная», «вздорная», «беспутная», «странная», «гонимая», «бунтующая», «битая», «непохожая», «безмерная», «отверженная», «не ведающая стоп-сигналов», «стихийная», «лихая», «не познавшая понятия покой», «расплавившаяся от укуров», «сплетенная из любви и скорби», «разобщенная» внутри, «оглохшая от обид», «отпугнувшая от себя всех», «отвергнувшая оседлость», «предпочитающая облака», «беспутная», «неохватная», «неуемная», «безрассудная», «нелюдимая», «незаласканная», «обнаженная, как минор», «залатана», «зачеркнута», «замечена», «задавлена», «проклята», «венчана», «избрана», «верна», «удалена», «на язык скитаний переведена» (14, 20, 26, 56-58; 15, 75, 86-87, 157).

Присутствует здесь же и перечень неприменимых к определению образа лирической героини Инны Богачинской характеристик и имен: «стареющая хранительница очага», «ручная», «бессловесная», «укрошенная», «уравновешенная», «покорная», «квочка», «распутница», «единица товарная» (14, 58, 73; 15, 97, 146)

Важным аспектом самоопределения, на наш взгляд, является отнесение себя к определенной возрастной группе. Определения «Джульетта» (15, 93) и «женщина-подросток» (14, 120) характерны для более зрелого периода, не фигурируют в ранней лирике, где подобного рода определения, казалось бы, более уместны. Но автор гордо заявляет о том, что лирическая героиня ее творчества «не тронута временем даже»:

*В безвременье зависла
И так и не вышла я взрослой...*

Застряла я в пределах двадцати.

Существую вне норм и вне возраста...

*Мои шестнадцать неисчерпаны
И в сорок шесть. (15, 45, 54, 93, 151)*

И еще список качеств, характерных изучаемому образу: язвительность, спонтанность, пронзительная открытость, сектантская отрешенность, бескомпромиссность, сладостный скепсис, разборчивость, поспешность, не умение ладить со всяким, сила и слабость, необузданность характера, здравое безрассудство, наитие, наивность, несоответствие моде, строптивость, нескроенность к попрошайству, стойкость (14, 54, 57, 84, 118).

Подобного рода так называемое «ячество», рефлексия нетрудно объяснить, используя биографический метод исследования. Автор к моменту выпуска первого сборника уже 11 лет проживает на территории США, к моменту выпуска второго – 17. Замечательное, на наш взгляд, объяснение этому явлению дает М.Шолохов в своем рассуждении о необходимости и значимости понятия «культ» в жизни людей. В Европе и США по словам писателя, конечно же нет и не было «культа личности», но есть другой: «...жили люди и продолжают жить традиционным укладом. На перестройки в «мировом масштабе» не замахиваются. Все в рамках привычного, устоявшегося. Всяк за себя, все на свой страх и риск. Все успехи-неуспехи зависят от собственной обеспеченности, предприимчивости, пробивной силы. От умения «вертеться», короче. Я, сам понимаешь, упрощаю все это, но если ты говоришь, что там нет культа, ты ошибаешься. Еще какой! Только культ этот – самого себя. Культ личных интересов, эгоизма» (53, 163).

В монологе Шолохова, несущем огромную нравственную ценность, мы обнаруживаем непосредственную связь «культа самого себя» с «культом денег» - писатель это называет «культ личного богатства». Но Инна Богачинская своей поэтической строкой отвергает это суждение. Лирическая героиня ее стихов выступает ярким противником воспевания «мнимых ценностей», «фальшивых культов», «божков», возведенных обществом в культ: «недвижимость», «доллары и центы», «психозы моды и курьезы карьеры», «ярлыки и дешевые рекламы» (14, 60, 128, 129, 133, 134,).

*Мы вершины добиться стремимся,
Запрягая себя в лимузины.
Драим ногти, бежим в программисты,
Перед долларом лебезим. (14, 132)*

Миром, по мнению лирической героини, «заправляет недвижимость», люди прячутся за «фасонами и фасадами Дешевизны», «пляска мод – нищета попугайства» (14, 60, 83).

*Козыряют заплатами джинсы,
Оглашая дизайнерский стиль.*

*Маскируемся бассейнами,
Тонной фальши и тряпья. (14, 89, 132)*

Самопожертвование «мнимым ценностям» порождает бич времени, в котором выпало лирической героине чувствовать «горькую жженость на ткани земной» — это бездуховность.

*Как чинами мы околдованы!
Как милы нам мундир и китель!
Но кого согревают должности,
Если с душами – дефициты?*

Лирическая героиня всерьез обеспокоена тем фактом, что человечество напичкано «злословием, и спиртом, и спесью», превратило этот мир в «клинику неизлечимой резни» (14, 56). Людям не хватает «тепла и святости/ Чтоб услышать чужие боли» (14, 92).

*В одиночных наших камерах
По одной сидим статье.
Бездуховностью наказаны
Мы на собственном суде.*

*Пункты «чуткость» - как дыры в зонтике.
Сей предмет не прописан курсом. (14, 89, 92)*

Черствость души бичует в первую очередь самого человека. Одержимость «вещизмом», бешеная «скачка к популярности», возможно, и придаст внешности некую привлекательность, но душа человека безнадежно обречена: «Мы в себе как личности умираем, / Хотя внешне смотримся вполне импозантно» – предрекает лирическая героиня. Бездуховность, бездушие «калечит смертельной инфаркта», спасти человечество может только добро (14, 54, 129). Бездуховность – это характерная черта сердец, «где свирепствуют страхи и стужи», это «отсутствие корня», это «опустошенные колодцы душ» (15, 21, 59, 106). Напротив, духовность – это пространство на «территории Духа», «республика Тепла», куда лирическая героиня советует отправиться всем, у кого «не в чести нутряное горение» (15, 107, 151, 167).

*Да будут полны наши ниши
Расстегнутостью стен,
И чтобы каждый духом нищий
Душой разбогател. (15, 107)*

Оптимизм, вера в лучшее, вера в людей не оставляют героиню, ведь сама она признает, что «сколько в нас животного, столько и человеческого» (14, 111):

*Кто в себе разобрался уже
Тем до спазм опостылела сытость,
Когда голод бунтует в душе. (14, 133)*

«Разобравшихся в себе» – единицы. Они есть, но их меньшинство, именно поэтому «толпой заправляет посредственность» (14, 83).

Идея Личности, «ни перед кем не склонившей головы», противопоставившей себя толпе, серости, посредственности, «блаженной бездарности», именно в зрелом периоде творчества Инны Богачинской начинает серьезно волновать лирическую героиню (14, 48, 54).

*Лишь с достойных слетают головы,
Распотанные толпой.*

Присуждает: - К барьеру! – толпа.

*Непохожесть – статья криминальная.
Вам простят оглушительный спад.
Не простят – гениальности. (14, 48, 74)*

«Плохо, страшно, – говорил Шолохов, – когда предмет веры мельчится. Мелкая вера – мелкий человек» (53, 163). Подобного рода «мелкий человек» часто появляется на страницах книг Инны Богачинской. Он всегда в большинстве и всегда противопоставлен Личности.

*Хоть наш век заражен лилипутами,
Для которых – бельмом Гулливер. (15, 49)*

Такими именами одаривает автор противников своей лирической героини: и негативно окрашенное «слабаки», и «лилипуты», и «мелкота», «узколинейность», и «пресные и гуттаперчевые», «серые и лгуны», и уменьшительно-уничижительное «интеллектики» (15, 49, 57, 106, 133, 150, 157, 179, 183). Мелкота не пугает лирическую героиню, наоборот, дает стимул к самосовершенствованию, потому что

*Даже если – пята над Личностью,
Личность от этого не убывает. (15, 150)*

Черствость души не присуща самой героине. Напротив, она готова «рвануться на помощь даже в самой изодранной шлюпке». Со временем приходит понимание своей роли в мировом процессе, готовность «прокаженным пожертвовать кожу» (15, 20):

*Мне выпала участь,
а может, особая честь –*

*Все боли земные
сквозь собственный горн переплавить... (15, 33)*

Она чувствует чужую боль, как свою, ей присуще сострадание и понимание. Так она оплакивает жертвы землетрясения в Армении.

*Один режим:
Засыпаны. Лежим.
Судьба. Вина.
На всех одна.
Король. Валет. –
В одной петле. (14, 76)*

Память не дает забыть и «как отцов забирали/ Под гремящие гимны парадов» Великой Отечественной войны:

*Голосили птенцы и дворняги,
И осина навзрыд голосила
По надежде,
что с жизнью отняли,
По детей потерявшей*

России. (14, 101)

Рассуждения о трагедиях, которые преподносит жизнь людям, переплетаются с мыслями о веке, об эпохе, о поколении 70-х годов.

*Мы – поколение очереди.
За хлебом. За справкой. За жизнью.*

*Научились не в бровь, а в окрест,
Мы достойные чада цензуры.*

*Этот век сам себя протаранил.
Этот век свой удел предрешил. (14, 50, 51, 131)*

Любовная тематика в зрелом периоде является доминирующей. В сборнике «В четвертом измерении» целый ряд стихотворений посвящен этой тематике.

Отношения и разрыв с мужчиной – это всегда боль, потому что приходится извлекать его из «души будто сломанный корень» зуба или «как застрявший снаряд –/ Из пробоин сердечного стана» (15, 83, 88). И, тем не менее, героиня без конца влюбляется, колеблется, порывает связи и прощает. Это напоминает движение по замкнутому кругу:

Вырываю Вас.

Вырываю Вас.

Вырываю Вас.

Облучением.

Колдовством.

Заклинанием.

Скальпелем.

<...> Вырвалась.

Наконец-то.

Даже не верится.

Освобождение.

<...> И вновь:

Вырываюсь.

Борюсь.

Протестую.

Безумствую.

Праздную.

И прощаю... (14, 113)

Но одиночество само по себе не внушает лирической героине того ужаса, который она испытывает от одиночества вдвоем. Для нее «предпочтительней – одиночество,/ Чем глухая пустошь вдвоем» (15, 184).

*Так бездомствуют и в многомерной квартире,
Разделяя не с тем одеяло и чайник. (15, 127)*

Наверное, поэтому романы лирической героини «беспризорны», «голодны», «искромётны», вкус их «то мучает, то манит» (15, 42, 155). Влюбляясь, лирическая героиня превращает себя в Ассоль:

И смеюсь над собой.

И бегу от тебя.

И за парусом алым гонюсь. (15, 84)

Через призму отношений с мужчинами лирическая героиня рассматривает многие темы: бездуховность, Личность и общество, расщепленность мира. Несколько раз в лирике Богачинской мы встречаем признание того, что она «не признает родства по крови» (14, 87). Возможно именно поэтому мы встречаем только одно стихотворение, посвященное дочери – «Джульеттой по свету» (15, 91).

Таким образом, зрелый период творчества Инны Богачинской раскрывает перед нами многогранный образ лирической героини. Стихотворение «О нас» (14, 131-134), помещенное последним в сборнике «Подтексты», затрагивает практически все темы, беспокоящие лирическую героиню этого периода. Это и тема эпохи, времени, века:

Этот век сам себя протаранил.

Этот век сам себя предрешил.

Это и тема жизни, которая для человечества – «аллерген». Затронута тема «мнимых, фальшивых ценностей»: «Продаемся мы за гроши»,

новое звучание. Например, раннее восхищение жизнью сменяется мыслью о суициде; мир в видении героини становится расщепленным; движение характеризуется прорывом в новые пространства; трагические мотивы приобретают масштаб глобальных катастроф; поэтическое самоопределение отягощается проблемными отношениями с критиками и редакторами. Но появляются и новые категории, несущие большое значение в характеристике лирической героини: стойкость перед жизненными невзгодами, неизменно влекущая за собой состояние одиночества; чрезмерная самохарактеристика, выраженная в частом употреблении местоимения «Я»; лирическое обобщение, типизация, выраженная в использовании местоимения «мы»; появляется также Личность, восставшая против «мелкоты», «мнимых ценностей» и «бездуховности».

Подводя общий итог второй главы, хочется привести определение поэта, данного В.Г.Белинским. Поэт – «это организация восприимчивая, раздражительная, всегда деятельная, которая при малейшем прикосновении дает от себя искры электричества, которая болезненнее других страдает, живее наслаждается, пламеннее любит, сильнее ненавидит»(3, 408). Именно такой и представляется нам лирическая героиня в раннем и зрелом периоде творчества Инны Богачинской.

ГЛАВА 3. ОБРАЗ ЛИРИЧЕСКОЙ ГЕРОИНИ В ПОЭЗИИ ИННЫ БОГАЧИНСКОЙ ПЕРИОДА 1994–2005 ГГ.

«Поэт, - говорил Белинский, - благороднейший сосуд духа, избранный любимец небес <...>, орган мировой жизни. Еще дитя, он уже сильнее других сознает свое родство со вселенной, свою кровную связь с нею; юноша – он уже переводит на понятный язык ее немую речь, ее таинственный лепет...» (3, 406). Марина Цветаева писала посвящения своим стихам, «написанным так рано, что и не знала я, что я поэт...». Все вышесказанное можно отнести и к поэту Инне Богачинской, которая наградила лирическую героиню своей поэзии мастерством перевода с языка Космоса, о котором говорил Белинский.

Каждый литературный образ многогранен. Лирический герой – не исключение. Как было указано выше, каждое отдельное стихотворение раскрывает только одно состояние души, одно переживание, одну грань характера. Образ лирического героя не проявляется мгновенно, как нельзя мгновенно распознать героя эпоса или драмы. Общий полный психологический портрет, как определяли изначально категорию лирического героя Ю.Тынянов и Л.Гинзбург, можно увидеть лишь в ретроспективе творчества поэта, или на примере некоторого корпуса текстов, цикла произведений. В предыдущей главе мы рассматривали образ лирической героини раннего и более зрелого периода творчества Инны Богачинской.

Второй период творчества Инны Богачинской – более поздний – мы определили хронологическими рамками 1994-2005гг. В этот период был издан только один сборник «Перевод с космического». В этой главе также были использованы для анализа неопубликованные стихотворения из личного архива автора.

Целью данной главы является раскрытие многогранного образа лирической героини более позднего периода творчества Инны Богачинской.

Цель главы определяет следующие задачи: рассмотреть образ лирической героини Инны Богачинской произведений более позднего периода 1994-2005, вошедших в сборник «Перевод с космического», а также

неизданные стихотворения из архива автора; выявить характерные черты образа лирической героини этого периода.

Превалирующей темой творчества этого периода остается тема лирического «Я». Мотивация этого явления была объяснена в предыдущей главе данной работы, поэтому здесь мы ограничимся лишь перечислением примеров описанной выше рефлексии в творчестве. Тема самовоспевания проявляется масштабнее, становится доминирующей в более поздней лирике. «Я» лирической героини появляется или подразумевается в 63% всего объема стихотворений сборника «Перевод с космического».

Но в этом периоде мы отмечаем меньшее количество имен, данных лирической героиней самой себе: «школярка», «бездарная школьница, завалившая экзамен», «неразменная максималистка», «зажигалка», «юла», «заводила», «преступный предмет на таможне», уже хорошо знакомая по предыдущим периодам «киплинговская кошка», «Мастер над собой», «Беатриче», «сеть в Интернете мироздания», «русалка», «эпицентр эпистолярных рифм», «Ассоль», «крыло почтового голубя», «вечная девочка», «пастор для потерянных душ» (16, 30, 61, 117, 120, 126, 187, 192).

О поэтах и о себе лирическая героиня говорит, как о существах, наделенных способностью летать: «семейство чаек», «неопознанные певчие объекты», «белые вороны», «неясное для многих сословие», «прожекторы», «строители замков воздушных», «популяция, идущая впереди времени и племени», «терапевт мироздания», «вечный внутренний эмигрант», «особая нация, чья группа крови – ТВОРИТЬ» (16, 20, 65, 184-186, 188; 12). Многие из этих имен, которыми лирическая героиня награждает поэтов, уже встречались в предыдущем периоде, но употреблялись преимущественно в единственном числе; изменение числа можно объяснить, вероятно, высокой оценкой среди других поэтов.

*Во мне же – прописан Андерсен,
Христос, Джордано и Разин,
Сократ и реактор атомный,
И все посвященные сразу. (16, 148)*

В стихотворении «О нескольких красных нитях в облике сочинителя» Богачинская с достаточной полнотой высказывает свое понимание призвания поэта, которое она развивает и в ряде других произведений, посвященных этой теме (12).

Поэтическое самоопределение Инны Богачинской исключительно важно. Лирическая героиня здесь раскрывает отношение поэта к творчеству, понимание ею творческого акта. Поэзия в понимании лирической героини – это «бескомпромиссное искусство», «касание чуда», «акт творения», который, к сожалению, наказуем (16, 25, 150). Это еще и выход:

*Не потому ли <...>
Среди орды торгашей
и душевно глухих <...>
И воздвигаются главные в жизни стихи? (16, 180)*

Строка «рваная», «рвущаяся», «беспутная» и, как правило, появляется «из-за пазухи». Из строк слагаются «Гималаев хребты и равнины,/ Сопроматы души, небоскребы газетных колонн». Случается так, что «строчка горло пережмет», угрожая превратиться в петлю (16, 25-26, 65, 150, 188, 194; 12).

Гордо лирическая героиня провозглашает свое поэтическое кредо: «Оставаться истым идеалистом» (16, 185).

Упоминаемое ранее восхищение жизнью, сменяемое растерянностью перед ее несправедливостями, в более позднем периоде превращается в недоумение: «Для чего меня жизнью земной угостили» (16, 29). Интересна постановка вопроса в плане речевой семантики: «угощают», как правило, чем-то вкусным, приятным. Но автор не выделил это слово в кавычки, чтобы подчеркнуть переносный смысл, следовательно, лирическая героиня продолжает восхищаться жизнью, хотя внешне и создает впечатление недовольства.

*Я жизни выходит, зачем-то нужно,
Раз держит так смачно за горло.* (16, 147)

– к такому выводу приходит лирическая героиня после длительных раздумий по поводу пребывания в «этой суперкосмической коме» (16, 27). Жизнь, в понимании лирической героини этого периода – это «пристрастный суд, где достается невиновным», «культ слепых и бессловесных», «смесь торжества и ада», «круговерчение», «дремуча, как иероглиф», который лирическая героиня «в итоге и не познала». Но вновь мы встречаем определение понятия жизнь, которое уже фигурировало в ранней лирике: «качели» (12).

Более поздняя лирика охарактеризовала себя углублением в философию. К учениям Ницше и Фрейда добавляются доктрины Блаватской (16, 185). В этот период лирическая героиня продолжает погоню за истиной, мудростью, почитая ее «всех ценней сокровищ» (12). «Добраться до сути» уже не предел для лирической героини: «И дальше пойти хочу» (16, 131), – дерзко заявляет она. Понятие «жизнь» все чаще заменяется такими философскими категориями как «существование», «бытие». Существование болезненно не меньше, чем жизнь, оно «нестерпимо», «бесполезно и больно», «пытка вдвойне» (12). Постепенно приходит осознание философского суждения о том, что смерть – это часть жизни:

*Жизнь распухнет ненадолго,
Занимая себя у смерти.*

*Для землян все уходы – безвременны,
А особенно ранний.*

*<...>смерть –
В новую явь трамплин.* (16, 38, 51-52)

Возможно, именно поэтому все чаще встречается мысль о суициде:

*Когда кувыркнешься с орбиты
И взвоешь от скуки вдвоем.
Захочется напроць и быстро
Рассторгнуть контракт с бытием.* (16, 54)
Хочется в небыль удрать. (12)

И сама же героиня дает весьма ценный совет всем «начинающим самоубийцам», и себе в том числе:

*Если неудержимо
Тянет стиснуть курок,
Пережди. Это жизни
Обостренный урок.* (12)

Философская сущность определяет появление таких образов, с которыми сравнивает себя лирическая героиня, как Гамлет и Печорин (12):

*<...> во мне все усеял сомненьями
импортный Гамлет,
Зарядил скептицизмом наш*

национальный Печорин. (16, 60)

Многие качества лирической героини, сформировавшиеся в более раннем периоде, нашли свое развитие в последующих творческих произведениях. Такие, в частности, как стойкость, присущая лишь истинной Личности. Лирическая героиня раннего периода отдавала себе отчет в том, что «быть избранным – награда одиночек» (16, 60), собственно, поэтому ей и хватало силы стойко принимать истину:

*«Кто обречен на свет и высоту,
Тот также обречен на холод». (16, 179)*

Не отрекается от этих слов и сейчас, продолжая утверждаться в своей стойкости, но уже увереннее отстаивает свою позицию, с радостью меняя «плебейскую славу на пожизненное изгойство».

*Жертвой быть, заявляю, почетней,
Чем рабом и всесильной букашкой. (16, 26)*

Как и прежде, лирическая героиня исповедует «одну заповедь - / Свою роль не разменять сольную», вовсе «не пугаясь отщепенкой прослыть». Лирической героине гораздо удобнее находиться «вдали от всех, на собственной планете» или «в чистилище своем париться» (16, 117, 122, 124), и она вполне счастлива от того,

*Что не погрязла в щях и щетках,
И в коронованных цепях.*

*Прожить по кукольной схеме
Не смела и могла. (16, 126, 134)*

Ставя себя «в оппозицию к миру», лирическая героиня острее поднимает вопрос отрицания причастности себя ко всем направлениям моды: «Для меня модельеры еще не придумали стиля» (16, 60), – признается героиня и продолжает с гордостью ходить «по канату на суперлихих каблучищах / И крамольностью юбок морали сводить под откос» (16, 194).

Взгляд в прошлое все чаще возникает в лирических произведениях исследуемого периода. Это выражается в употреблении грамматической категории прошедшего времени и появлении в лирике осмысления прожитого, выводов, итогов жизни, не свойственных раннему периоду творчества.

*Я тем жива, наверно, что ничуть
Не научилась выжить и врать,
Не остудила первородства чувств.<...>
И от ударов больше не бегу.*

*Неслась от всех, но не творила зла,
И никому в нужде не отказала,
Хотя сама на помощь не звала.*

*Да, ломала дрова.
И себя беспредельно ломала. (16, 37, 56, 61)*

Но, даже подводя некоторые итоги, лирическая героиня не поддается влиянию времени, оставаясь «у возраста в плену школьного» и в возрасте «романтических рулад» (16, 135). Признается в том, что она «подросткам и ветрам сверстница», сочетая в себе «синдром детскости» с мудростью ветра, которому «вечность» (16, 117).

Тем не менее, не оставляет лирическую героиню оптимизм, который проявляется во взгляде в будущее. В будущем, несомненно, сохранятся все

достоинства лирической героини, из-за которых и появляется обособленная позиция по отношению к толпе:

*Не отступлю от прежних величин
И не смогу свою земную ношу
Ни сбросить, ни предать, ни облегчить.*(16, 56)

По-прежнему лирическая героиня не намерена мириться с теми людскими качествами, которые не позволяют ей слиться с толпой. Как и прежде, она не терпит «полумер», «получувств», «полудоблести», «оборотистых душ с пародийным апломбом» (16, 30). Проблема бездуховности продолжает волновать лирическую героиню. В этот период поэт находит новые определения этого явления: «В душе – минус сорок по Цельсию», «банкротство духа и безголосие», «душекрушение», которое нельзя вылечить(16, 49, 62, 186), а можно только воспитать:

*Кто с ранних лет духовностью накачан,
Тот не приучен в ближнего стрелять.* (16, 56)

Для лирической героини чудо – это когда в «общей массе сверкнуло с необшиной лицом», а все что ей надо – это «чтоб род наш порочный прозрел», «чтоб земные дети бездушными не рождались». Возмущенная «ожирением душ», подлежащих срочной реанимации, лирическая героиня пишет «Петицию в министерство юстиции», где просит:

*Изыщите меры, особо карательные
Для пресечения хамства,
жестокости и бюрократии.<...>
Введите <...>
Новую единицу*

измерения человечности. (12)

Кроме всех мелких «божков» и «мнимых культов», упоминаемых в произведениях предыдущих периодов, появляется еще один осуждаемый лирической героиней «культ вранья» (16, 39). Но именно теперь она делает грустное открытие, оправдывающее создание культов, вещизма, власти –

*Затем и создаем сомнительных кумиров,
Чтоб утром было для чего вставать.* (12)

Как и в предыдущем периоде творчества, здесь в лирике Богачинской бездуховность, поклонение сомнительным ценностям порождает новую расу – мелкоту. Вновь поэт награждает это сословие массой имен: «рабы комфорта», «всесильные букашки», «практичные асы», «безгласые зубры», «высочки и ничтожества», «пешки упитанные», «пигмеи» (16, 25, 26, 43, 52, 142). Но сейчас лирическая героиня отчетливо видит их главную слабость:

*Те силятся других поставить на колени,
Кто хочет оправдать свою пустую жизнь.* (12)

Именно в ежедневной, ежеминутной борьбе с «мелкотой», лирическая героиня видит «геройство»:

*Ежедневно себя поднимать и
держат на ногах.* (12)

Одна из причин, по которой лирическая героиня была исключена из «бескрылого стада» в раннем периоде творчества – это «непохожесть», «нежелание соответствовать» любым направлениям и течениям. «...Что жизнь для раба житейских нужд и пользы, который ничего не видит дальше удовлетворения потребностей голода и кармана или мелкого тщеславия, - то смерть для человека мыслящего и чувствующего»(3, 396). Так размышлял Белинский в свое время. Так, теперь уже в свое время, думает и Богачинская. Со временем героиня ее поэзии не отказалась от своих принципов, но даже

более утвердилась в них, найдя причину, по которой человечество придерживается установленных кем-то стереотипов:

*Мы обществу даем себя зомбировать,
Послушностью признание снискав.*

*Всемирно выгодно, когда умы немы
И голос слеп. И на губах – наручник. (12)*

Тема любви мало занимает лирическую героиню этого периода, но зато обретает новое звучание, наполняется новыми ощущениями.

*Мне казалось – для меня не первично
На любовной оказаться ниве. (12)*

Лирическая героиня, по-прежнему, влюбляется как в первый раз, безоглядно:

*Мне от взглядов Ваших не исцелиться,
И от рук, что в силуэт мой вписались. (12)*

Любовь относится к той категории тем, которых не обошла философская мудрость лирической героини. Она смело переделывает на свой женский лад высказывание А.С.Пушкина: «Чем больше женщину мы любим, тем меньше нравимся мы ей».

*Когда же нами кто-то увлечется жутко,
Мы просто превращаем это в шутку.
Но стоит нам влюбиться непомерно,
Объект любви нам изматает нервы. (12)*

Любовная лирика нередко превращается в поиск «настоящего мужчины», «пола непростительно слабого», которому в целях излечения от слабости саркастически предлагает:

*Как ишак, тащить корзины.
У плиты чадить поточно.
И хоть раз родить бы сына.
Впрочем, не грешно и дочку. (12)*

Необходимо отметить, что сарказм появляется лишь в позднем периоде и несет в себе смысл выхода. Так лирическая героиня осмеивает, наряду с «непростительно слабыми мужчинами», глупые пошлые объявления в Интернете; свою скуку, предпочитая «умереть от водки», чем от нее; все установки и схемы, которым, по мнению общества, она должна следовать(12).

Одиночество по-прежнему не страшит лирическую героиню, она, как и раньше, убеждена, что «вдвоем – не значит радостней и проще», но зато «потеряв сомнительное «вместе»,/ Ты обретаешь истинно СЕБЯ» (12).

Лирическая героиня в творчестве Богачинской отражает в своем образе черты ее биографии, индивидуальные особенности ее личности, все время меняется, отражая разные стороны действительности, разные преломления этой действительности в сознании поэта. Поэтому еще одной отличительной особенностью более позднего периода творчества Инны Богачинской можно считать тоску по покинутой Родине. Тема России появляется и в лирических произведениях, и в прозаических(16, 86, 95). Причем, упоминанию России практически всегда сопутствует упоминание Америки, «второй» ее родины, приютившей Богачинскую, когда первая отеклась. Тема обиды на Родину появляется и в поздней лирике:

*Были мы не нужны.
Были мы не угодны кому-то. (16, 31)*

«Третья волна» – это поколение, избежавшее «убийственно затхлой заводи» – застоя. И хоть «отщепенцами нарекли», Россия остается в сердце

каждого эмигранта, и поэт осуждает всех, кто отрицает этот факт: «Не секрет, что одно из штампованных утверждений, бытующих в эмиграции, гласит: «Хочешь вылечиться от ностальгии – поезжай на оставленную родину». Для меня же все как раз обернулось противоположной стороной» (16, 87).

Русский народ навсегда останется частью души Инны Богачинской. Именно поэтому лирическая героиня признается:

*Я делю с ним просторы души,
и поминки, и ломти.* (16, 32)

Времена сменились, и уже эмигранты перестали быть отщепенцами, Россия приглашает их «вернуться домой» (16, 47). Вероятнее всего именно поэтому тема России так полно проявляется теперь. Ностальгия – одна из отличительных черт позднего периода. «И даже по прошествии двадцатилетия, оказавшись вновь в знакомом пространстве, я, например, испытала одно из самых надежных и целительных состояний – ощущение ДОМА» (16, 87). Здесь следует отметить, что упоминаемое в предыдущей главе обобщение «мы» пополнилось в этом периоде еще одной категорией – мы-эмигранты (16, 31, 47, 144).

Время, не повлиявшее на возраст лирической героини, тем не менее, повлияло на духовный рост ее. Это выражается в переосмыслении своей значимости в мировом процессе. Например, любовная лирика практически не возникает в этом периоде, но усиливается чувство сострадания: «Во мне все обостряется втройне» (16, 56).

Тема трагического находит свое развитие именно в этом периоде. Этой теме посвящено эссе «О праздниках, которые всегда с нами» (16, 95) и ряд стихотворений: «Плач по падающим мальчикам», «Памяти погибших подводников», «Слово о московской трагедии», «Размышления о человеческом факторе в свете нечеловеческого акта», «Бесланский реквием» (12). Пацифист по натуре, автор наделяет лирическую героиню тем же качеством:

*Я слышу крики погребенных в Кобе,
Проклятья материнские в Чечне.* (16, 56)

Лирическая героиня тонко чувствует чужое горе, как свое:

*Что взрываются в Косова бомбы,
Ну, а кажется, будто – во мне. <...>
Чью-то жизнь раздробили, как льдину.
Ну, а кажется, будто мою. <...>
Чей-то дом изуродован в кадре.
Ну, а мне показалось, что – мой. <...>
Чьей-то матери ранили душу.
Ну, а мне показалось – моей.* (16, 55)

Каждое из вышеперечисленных стихотворений посвящено тому или иному трагическому событию: гибель подводной лодки «Курск», захват заложников в московском театре на Дубровке, уничтожение ВТЦ, захват школы в Беслане. Терроризм в лирике Инны Богачинской представляется проявлением сегодняшнего фашизма.

Ненависть лирической героини к терроризму в трагических произведениях проявляется в речевой семантике, употребляемой в характеристике террористов. Например, в стихотворении «Бесланский реквием» мы встречаем следующие слова и обороты, призванные заменить слово «террорист»: «беспредел во главе», «изувер», «чума в парандже», «обездушенное стадо маньяков» (21). В стихотворении «Слово о московской

трагедии» - «нелюди». В «Размышлениях о человеческом факторе в свете нечеловеческого акта» - «палачи» (12).

В таких же красках, тонах отзывается лирическая героиня о политиках и чиновниках: в произведении «К вопросу о косовских перекосах» это - «монстры, облаченные в облик людей», «волчий беспредел» (16, 55).

Интерес вызывает одушевленный образ Земли, без конца делимой политиками на части и оплакивающей жертвы, которые она вынуждена принимать в себя.

*Не разделят эту Землю никак,
Хоть от жертв мы несказанно устали.
Снова Земля свои жертвы отпела.
Даже ромашки окрасились в траур.
Сладко ль считаться героями
В час, когда примет Земля?
На планету, безумьем залитую,
Опускается сумрачный транс...(12)*

Плачь, Земля!

*Беспредел – во главе.
Надрывайся поруганной кожей!
Чтоб планета омылась от зла,
Чтобы не повторялся Беслан,
За созвездье сияющих лиц –
Плачь, Земля, и молись! (21)*

Не менее важен и интересен в художественном плане образ обезумевшего в трауре мира людей – мира, погрязшего по уши в войны, «не ведая причин»:

*Мужья, свекрови, боссы, братья, лиги,
Коллеги, знаменитости, врачи –
Воют все – от мала до велика,
По существу, не ведая причин. (12)*

Горе затмило глаза, замутило рассудок всему человечеству:

*Мир обрамила траура канва.
Все пост-рекомендации наивны.
Кого судить? Кто прав? Кто виноват,
Что в сердце холод, пепел и руины.*

*Мир на ногах стоит едва.
Отказывают жилы и пружины.
И только вдохновенье воевать
В нем превосходит даже жажду жизни.*

*...А потому пока не светят нам антракты –
Из всех щелей в нас целятся теракты...(12)*

«Что-то с миром случилось. Что-то грозное с миром» - бьет в набат лирическая героиня. Однако не оправдывает народы мира. Напротив, предъявляет к ним самые жесткие требования – обвиняет всех за все зло, творящееся на земле, не раздумывая, сажает

*Целый мир на скамью подсудимых,
На омытую кровью скамью! (16, 55)*

И призывает людей не сдаваться в этой жестокой битве:

*Пусть ни один не сломит вас булат,
Потеря никакая пусть не сгорбит.*

*Благодарите жизнь, что вам дала
Не только сладость, но и мудрость горя.* (12)

Таким образом, тема войны и мотив преодоления трагического, на наш взгляд, составляет основной нерв поэзии И. Богачинской позднего периода. Творчество этого периода пронизано глубоким сознанием трагического состояния мира, пониманием причин этого явления и мыслью о необходимости и возможности преодоления трагизма путем активного противостояния злу, борьбы с ним – одним словом идеей воинствующего гуманизма. В поздней лирике Богачинской перед читателем предстает лирическая героиня – носитель гуманизма, стремящийся к просвещению; философ, находящийся в вечном поиске Истины; борец за культуру, вступающий в бескомпромиссный конфликт с представителями косности, с «врагами изящного»; боец, не сдающий свои позиции, но только утверждающийся в правильности избранного пути.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Результатом нашей работы явилось следующее заключение:

Лирическая героиня Инны Богачинской – личность настолько же неординарная, как и ее создатель. Творчество Богачинской наводит читателя на мысль, что ее лирическая героиня недаром попала в этот противоречивый мир, так восхитивший ее при первом знакомстве. И, хотя жизнь и предпринимает попытки сломать, изменить характер лирической героини Богачинской, тем не менее, она не изменяет выбранному в начале жизненного пути маршруту.

В лирике Богачинской представлены две основные проблемы, волнующие ее лирическую героиню на протяжении всего творческого пути – это тема жизни и тема мира. Обе эти темы представлены в развитии глазами героини: от восторженного воспевания до полного ее разочарования. Именно через призму этих двух тематик показаны все остальные: поэзия, любовь, одиночество, Личность и общество, мнимые и вечные ценности, одухотворенность и бездуховность, война и преодоление трагического и т.д. Каждая из этих тем в большей или меньшей мере находила свое отражение в образе лирической героини разных этапов творчества Богачинской. Так ранний период охарактеризовал себя преобладанием оптимистических настроений, восхищением окружающим миром; на зрелом этапе мы видим разочарование, рождающее одиночество, стойкость; поздний этап предлагает нам примирение, философскую одухотворенность лирической героини Богачинской.

Из вышесказанного мы можем сделать определенный вывод, что эволюция лирической героини очевидна: от экзальтированной персоны до воинствующего гуманиста, одухотворенного философской мудростью.

ЛИТЕРАТУРА

Методологическая и общетеоретическая литература

1. Аристотель. Об искусстве поэзии. – М, 1961.
2. Белинский В.Г. Разделение поэзии на роды и виды// Белинский В.Г. Эстетика и литературная критика: В 2 т. – М., 1959. – Т.1.
3. Белинский В.Г. Стихотворения Лермонтова // Белинский В.Г. Эстетика и литературная критика: В 2 т. – М., 1959. – Т.1.

4. Белинский В.Г. Стихотворения графини Ростопчиной // Белинский В.Г. Собр. соч.: В 9 т. – М., 1979. – Т. 4.
 5. Гегель Г.В.Ф. Эстетика: В 4 т. – Т. 3. – М., 1971.
 6. Добролюбов Н.А. Избранные философские сочинения: В 2 т. – Т. 2. – М., 1946.
 7. История русской литературы XX века. Первая половина / Под ред. Л.П.Егоровой. – Ставрополь, 2004.
 8. Платон. Собр. соч.: В 3 т. – Т. 1. – М., 1971.
 9. Тимофеев Л.И. Основы теории литературы. – М., 1976.
 10. Чернышевский Н.Г. Стихотворения Н.Огарева // Чернышевский Н.Г. Избранные философские сочинения: В 3 т. – Т. 3. – М., 1947.
 11. Чернышевский Н.Г. Стихотворения графини Ростопчиной // Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч.: В 15 т. – Т. 3. – М., 1947.
12. Художественные тексты и источники
13. Архив И.Богачинской. Электронное издание.
 14. Белая Н. Инна Богачинская. Переводчица с космического// Метро (Нью-Йорк). – 2005. - № 56.
 15. Богачинская И. Подтексты. – Нью-Йорк, 1990.
 16. Богачинская И. В четвертом измерении. – Филадельфия, 1993.
 17. Богачинская И. Перевод с космического. – Нью-Йорк, 1999.
 18. Богачинская И. Америка глазами моей дочери Алены// Эмигрант. Международная газета. – 2004. – №7. – С. 6.
 19. Вайль П., Генис А. Миф о застое // Огонек. – 1990. – Февраль (№7).
 20. Вознесенский А. Инна Богачинская //Огонек. – 1989. – Октябрь (№41). – С. 11.
 21. Вознесенский А. Жизнь пополам // Огонек. – 1989. – №6. – С. 9.
 22. Гассиева В. Бесланский реквием // Северная Осетия. – 2004. – 18 декабря.
 23. Гусаров В. Инна Богачинская: о скрытых механизмах бытия.
 24. Збарская О. Инна Богачинская: мифы и реальность// Anna Gorgeous. – 2003. – № 4.
 25. Колтунова Е. Полетный голос// Порто-Франко. – 2004. - № 37.
 26. Маяковский В. Сила класса, слава класса. – М.: Современник, 1987.
 27. Мацкевич П. Секрет Инны Богачинской// Пресс-курьер (Одесса). – 2004. - №37.
 28. Мучник В. Поэты возвращаются в Одессу// Слово. – 2002. - №38.
 29. Огренич Н. Американская звезда русской поэзии// Огренич Н. Твои имена, Одесса... - Кн. 5я. – Одесса, 2003. – С. 31-43.
 30. Поэты русского зарубежья: Словарь. – СПб., 1999.
 31. Сухая С. Приговори себя к добру// Труд. – 1992. – 19 декабря.
 32. Сухая С. Я ненавижу любые границы// Труд. – 2001. – 22 февраля. – № 35. – С. 11.
 33. Троскот Е. Человек и время в творчестве Инны Богачинской: Дипломная работа. – Одесса, 2003.
 34. Финкель В. Поэты рубежа. Инна Богачинская. Иосиф Бродский. Михаил Юпп. Вера Зубарева. – Филадельфия, 1999.
 35. Шабалин С. Слово о переводимости. // Мы. – 2000. - № 10. – С. 14-15.
 36. Ясинская В. Высшее в мире богатство // Одесские известия. – 2004. – 4 декабря.
37. Научно-критическая и учебно-методическая литература
38. Блок А. Собрание сочинений: В 6 т. Т.4. – Л., 1982.
 39. Бореев Ю. Эмигрантология.// Русское зарубежье: приглашение к диалогу: Сборник научных трудов/ Под общ. Ред. Л.В.Сыроватко. – Калининград, 2004.

40. Дискуссия о лирике и лирическом герое в периодической печати (На рубеже. – Петрозаводск, 1953 - №8, 10; 1954 - №6; Звезда. – М., 1953 - №10; 1954 - № 10; Литературная газета. – 1954 – 22 июля, 19 октября, 28 октября, 16 ноября; 1963 – 1 июня, 11 июля, 16 июля, 3 октября)
41. Долгополов Л. Личность писателя, герой литературы и литературный процесс // Вопросы литературы. – 1977. – №2.
42. Кузнецова И. Поэт и лирический герой: дуэль на карандашах// Октябрь. – 2004. - №3.
43. Литературное зарубежье: проблема национальной идентичности. Выпуск 1. – М., 2000.
44. Михайлов А.А. Поэты и поэзия. – М., 1978.
45. Михайлов А.А. Ритмы времени. – М., 1972.
46. Назаренко В. Язык искусства. О мастерстве поэта и прозаика. – М., 1961.
47. Паперный З. О мастерстве Маяковского. – М., 1957.
48. Паперный З. Поэтический образ у Маяковского. – М., 1961.
49. Словарь литературоведческих терминов/ Под ред. Л.В. Тимофеева, С.В. Тураева. – М., 1974.
50. Степанов Н.Л. Лирика Пушкина. – М., 1974.
51. Тимофеев Л.И. Очерки теории и истории русского стиха. – М., 1958.
52. Тимофеев Л.И. Слово в стихе. – М., 1982.
53. Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. – М., 1977.
54. Урбан А. Мода, штамп и поэт // Вопросы литературы. – 1962. - №9.
55. Шолохов М. Разговор с отцом.../ Дон. – 1990. - №5. – С. 157-165.

ЛИТЕРАТУРА

1. Архив И.Я. Богачинской, (стихи)
 2. Богачинская И. В четвертом измерении. Филадельфия . 1994
 3. Богачинская И. Перевод с космического. Нью-Йорк, 1999.
 4. Богачинская И. Подтексты: Избранные стихи, поэмы, эссе, переводы, Нью-Йорк, 1990.
 5. Богачинская И. СТИХИЯ, Нью-Йорк, 1983.
-
1. Ажгихина Н. Уроки «третьей волны» // Общественные науки и современность. – 1992. - №3. – с. 109-116.
 2. Альбуханова-Славская К. Развитие личности в процессе жизнедеятельности // Психология формирования и развития личности: Сб. статей/ Отв. Ред. И.Анцыферова – М.: Наука, 1971.- С.19-44.
 3. Андреев Ю. Концепция человека в современной литературе // Советская литература и новый человек: Сб. статей / Под ред. Ковалева В. и Тимофеевой В.-Л.: Наука, 1967.- С.24-40.
 4. Аристотель. Поэтика//Аристотель и античная литература, М., 1978.
 5. Барская Н. Два мира – одна судьба // Одесский вестник, 15 сентября, четверг, №205-206.
 6. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества, М., 1979.
 7. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975.
 8. Белая Н. Инна Богачинская. Переводчица с космического// Метро, №56, 25 февраля, Нью-Йорк, 2005.
 9. Бойченко І. Філософія історії. – К.: Знання, 2000. — 723с.

10. Бонецкая Н.К. «Образ автора» как эстетическая категория // Контекст-1985. М., 1986.
11. Боров Ю. Художественные направления искусства XX века и концепция личности // Концепция личности в литературе развитого социализма: Сб. статей. - М.: АМ СССР, 1980. - С.28-30.
12. Бочаров А. Требовательная любовь: Концепция личности в современной советской прозе. — М.: Худож. лит., 1977. — 364с.
13. Виноградов В.В. О теории художественной речи, М., 1971.
14. Виноградов В.В. Проблема авторства и принципы атрибуции текстов неизвестного происхождения. // Виноградов В.В. Проблема авторства и теория стилей. М., 1961.
15. Вілков В., Салтиковський О. Людина і світ: Навч. посібник. - К.:Кондор, 2001.208с.
16. Газарх Р. Феномен Инны Богачинской // Эхо планеты, Нью-Йорк, 5-11 августа, 2000.
17. Гаспаров М.Л. О русской поэзии: Анализы, интерпретации, характеристики. _ СПб.: Азбука, 2001.
18. Гаспаров М.Л. Современный русский стих. (Метрика и ритмика), М., 1974.
19. Гинзбург Л.Я. Проблема личности // Гинзбург Л.Я. О лирике, Л., 1974., с. 127-172.
20. Гинзбург Л.Я. О литературном герое. Л., 1979.
21. Гончар О. Українське радянське літературознавство напередодні великого п'ятдесятиріччя // Літературна Україна. - 1966. – 17 листопада. С.3-4.
22. Жирмунский В.М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика. Л., 1977.
23. Жулинский Н. Человек в литературе. Общественные ценности и проблемы художественного характера. - К.: Наукова думка, 1981. - 104с.
24. Зайцев В.А. Современная поэзия русского зарубежья // Вестник Московского университета. Серия 9, Филология.- 1992, №1, с. 3-12.
25. Зайцев В.А. Творческие поиски русских поэтов «третьей волны» эмиграции. // Вестник Московского университета. Серия 9, Филология.-1993, №3, с. 40-49.
26. Зубарева В. Консилиум сфер // Вечерний Нью-Йорк, 24-26 сентября, Нью-Йорк, 1999.
27. Камю А. Миф о Сизифе. Эссе об абсурде // Сумерки богов / Сост.и общ. ред. Яковлева А. А. - М.: Политиздат, 1990. - С.222-318.
28. Киракосян Л. Концепция личности и герой литературы. - Ереван: Совет. гр., 1982.- 104с.
29. Кожин В.В. Как пишут стихи. М., 1970.
30. Кожин В.В. Статьи о современной литературе. М., 1982.
31. Колтунова Е. Поэт бывает больше, чем поэт // Порто-Франко, №36, сентябрь 2005.
32. Корман Б. Литературоведческие термины по проблеме автора// Проблемы истории критики и поэтики реализма. - Куйбышев: КГУ, 1981. -С.39-54.
33. Лихачев Д. Поэтика древнерусской литературы. - Л.: Наука, 1967.-372с.
34. Лихачев Д. Человек в литературе Древней Руси. - М.: Наука, 1970. -180с.
35. Лотман Ю.М. О поэтах и поэзии.- С.-Петербург,1999.
36. Марко В. Основа творчих шукань. Художня концепція людини в сучасній українській літературі. - К.: Вища школа, 1987. - 165с.
37. Марков Д. Социалистический реализм - новая эстетическая система //Вопросы литературы. - 1975. - № 2. - с.4.
38. Машарова Я. Пошук гармонії: Людина і природа в сучасній радянській прозі. - К.: Дніпро, 1990.-183с.
39. Мейкин М. Конец бинарных оппозиций // Новое время.- 1991., №47,с. 46-57.

40. Мизецкая В. Художественная картина мира и ее модификации // *Іноземна філологія на межі тисячоліть: Вісник Харківського національного університету імені В.Н.Каразіна*. - Х.: Константа, 2000. - С. 171 - 179.
41. Науман Н. Литературное произведение. История литературы, М., 1984.
42. Науменко И. Концепция человека в творчестве Янки Купалы и Якуба Коласа (Духовный облик человека): Автореф. дис. ...д. ф.н. - Минск, 1969.- 14с.
43. Овчаренко О.А. Русский свободный стих. М., 1984.
44. Орехова Л.А. Образ автора и поэтика жанра: Русская лирическая проза 20 в., Киев, 1992.
45. Петров М. К. Язык, знак, культура. М., 1991.
46. Петров С. Проблема человека и литература социалистического реализма // *Концепция человека в эстетике социалистического реализма*. - М., 1977.- С.5-31.
47. Проблема автора в художественной литературе. Межвузовский сборник научных работ (Отв.ред. Корман Б.О.), Устинов, 1985.
48. Причепій Є., Черній А., Гвоздецький В. Філософія: Посіб. для студентів. - К.: Академія, 2002.-576с.
49. Раскина С. Инна Богачинская: «Там, за океаном» // *Наша община*, 26 декабря, 2001.
50. Рубинштейн С. Человек и мир // *Проблемы общей психологии*. - М.:Мысль, 1971. - С.255-385.
51. Селигер Л. Тайна избранности // *Русский базар*, №40, 30 сентября, Нью-Йорк, 2000.
52. Словарь поэтов русского зарубежья. (Под. ред. Крейд В.) С.-Петербург, 1999.
53. Соколов А.Г. Проблемы изучения литературы русского зарубежья. // *Вестник Московского университета. Серия 9, Филология*.- 1991, №5, с. 11-17.
54. Степанов Н. Поэты и прозаики, М.,1966.
55. Степанов Н.Л. Лирика Пушкина. М., 1959. с. 106-110.
56. Сухая С. Я ненавижу любые границы. // *Труд*, М., февраль, 2001.
57. Ткачук М.П. Естетична концепція людини в „Енеїді" Івана Котляревського. - К.: Вища школа, 1995. - 56с.
58. Годоров Л. Лирический герой // *Словарь литературоведческих терминов* /Ред.-сост. Л.И.Тимофеев, СВ. Тураев. - М.: 1974. - С.177-178.
59. Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино, М., с.118.
60. Финкель В. Поэты Рубежа.- Филадельфия, 1999.
61. Філософія: Підруч. / Г. Заїченко, В. Саратовський, 1. Кальний таїн.; За ред. Г. Заїченката ін. - К.: Вища школа, 1995. -455с.
62. Федоров Ф. Человек в романтической литературе: Учебн. пособ. - Рига: Знание, 1981. – 118 с.
63. Фролова К. Концепція людини у творчості Олесь Гончара // *Таїни художнього тексту (до проблеми поетики тексту): 36. наук, праць*. - Вип.4. -Д.: РВВ ДНУ, 2004. - С.68-72.
64. Храпченко М.Б. Художественное творчество, действительность, человек. М., 1982.
65. Человек: Философский энциклопедический словарь /Под ред. И.Т.Фролова.-М.: Наука, 2000. -516с.
66. Черноиваненко Е.М. Литературный процесс в историко-культурном контексте: Развитие и смена типов литературы и художественно-литературного сознания в русской словесности XI - XX веков: - Одесса, 1997.
67. Чешир Н., Томе Г. Реабилитация Я // *Московский психотерапевтический журнал*. - 1996. - № 4. - С.41-42.

68. Чудаков А.П. В.В. Виноградов и его теория поэтики // Чудаков А.П. Слово - вещь - мир: От Пушкина до Толстого: Очерки поэтики русских классиков. М., 1992. с. 227-247.
69. Хализев В. Лирика // Введение в литературоведение. Литературное произведение: Основные понятия и термины: Учеб. пособие / Л. Чернец, В. Хализев, С. Бройман и др. / Под ред. Л. Чернец. - М.: Высшая школа; Академия, 1999- С.46, 111-141.
70. Лазарева И. Всяк дом мне пуст, всяк храм мне чужд. Разговор с И. Богачинской. // Эхо планеты, 28 июля - 3 августа 2001, Нью-Йорк.
71. Эйхенбаум Б. О прозе. О поэзии, М., 1986.
72. Шаталов С. Художественный мир И. С. Тургенева. - М.: Наука, 1979. - 312с.
73. Шевченко Л. Аксиологические координаты мира в современной женской прозе // Русский язык и литература. – 2001. - №6. – С.26-32.
74. Шляхова Н. Художній тип. Соціальна і духовна характерність: Літературознавчі статті. — Одеса: Маяк, 1990. - 254с.
75. Щербина В. Наш современник. Концепция человека в литературе XX столетия. — М.: Совет. читатель, 1964. - 571с.
76. Эстетика: Словарь / Под общ. ред. А. А. Беляева и др. - М.: Политиздат, 1989. - 447с.
77. Ясинська В. Найвище у світі багатство // Одеські вісті, 4 грудня
78. Антологія світової літературно-критичної думки XX ст. за ред. М. Зубрицької, Львів, 2002.
79. Краткая литературная энциклопедия, М., т.5, 1968.
80. Літературознавчий словник-довідник, Київ, 1997.
81. Литературная энциклопедия терминов и понятий.- М., 2001

Заклучение

Инна Богачинская как поэт третьей волны эмиграции привносит в поэзию те черты времени, которые преимущественно отражают и третью треть XX века. Своеобразие ее мироощущения и миропонимания находит соответственное выражение в форме, в стиле произведений. Художественные образы ее лирики – это объект исследования работе – обобщают явления жизни, через личное восприятие выражают мысли и чувства, характерные для многих ее современников. Личные переживания Богачинской, в связи с эмиграцией оказавшиеся в ином континууме, не столько несут отпечаток ностальгии, сколько активное проникновение в сложности мира. Хронотоп раздвигается для новых творческих фактов ее поэтической палитры. Потому она состоялась как поэт и продолжает им быть в динамике поисков и самовыражения.

Лирическое «я» И. Богачинской собирательно, но часто производит впечатление слитности с автором. Единство авторского сознания, сосредоточенность его в определенном кругу проблем, настроений передается в стихах так убедительно и порой конкретно, что создается ощущение присутствия самого поэта. В лирике Богачинской часто личность не только субъект, но объект произведения, его тема, и она раскрывается в самом движении поэтического движения.

Поэтика Богачинской многообразна в тональности, это не разные жанры, а разные грани внутреннего мира все той же могучей личности. Ее лирическая героиня предстает в различных ракурсах, семантических и эмоционально-экспрессивных приемах, которые и структурируют конкретные замыслы, и обогащают ее поэзию как чувствами отдельного

человека, так и гражданским пафосом, адресованным людям для совершенствования мира. Ее бесстрашие, бунтарское начало, верность в любви, дружбе, чистая совесть, дающая ощущение нравственного превосходства, постоянная готовность к самоотдаче, опирающаяся на доброту, жалость и милосердие.

Лирическая героиня Богачинской прежде всего гражданин с декларируемой личной ответственностью, которая концептуально утверждается ею как способ решения современных гуманистических проблем и преодоления бедствий на человеческом самостоянии.

Литература

Архив И.Я. Богачинской, (стихи)

Богачинская И. В четвертом измерении. Филадельфия . 1994

Богачинская И. Перевод с космического. Нью-Йорк, 1999.

Богачинская И. Подтексты: Избранные стихи, поэмы, эссе, переводы, Нью-Йорк, 1990.

Богачинская И. СТИХИЯ, Нью-Йорк, 1983.

1. Ажгихина Н. Уроки «третьей волны» // Общественные науки и современность. – 1992. - №3. – с. 109-116.
2. Аристотель. Поэтика//Аристотель и античная литература, М., 1978.
3. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества, М., 1979.
4. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975.
5. Белая Н. Инна Богачинская. Переводчица с космического// Метро, №56, 25 февраля, Нью-Йорк, 2005.
6. Бонецкая Н.К. «Образ автора» как эстетическая категория // Контекст-1985. М., 1986.
7. Виноградов В.В. О теории художественной речи, М., 1971.
8. Виноградов В.В. Проблема авторства и принципы атрибуции текстов неизвестного происхождения. // Виноградов В.В. Проблема авторства и теория стилей. М., 1961.
9. Газарх Р. Феномен Инны Богачинской // Эхо планеты, Нью-Йорк, 5-11 августа, 2000.
10. Гаспаров М.Л. О русской поэзии: Анализы, интерпретации, характеристики. _ СПб.: Азбука, 2001.
11. Гаспаров М.Л. Современный русский стих. (Метрика и ритмика), М., 1974.
12. Гинзбург Л.Я. Проблема личности // Гинзбург Л.Я. О лирике, Л., 1974., с. 127-172.
13. Гинзбург Л.Я. О литературном герое. Л., 1979.
14. Жирмунский В.М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика. Л., 1977.
15. Зайцев В.А. Современная поэзия русского зарубежья // Вестник Московского университета. Серия 9, Филология.- 1992, №1, с. 3-12.
16. Зайцев В.А. Творческие поиски русских поэтов «третьей волны» эмиграции. // Вестник Московского университета. Серия 9, Филология.-1993, №3, с. 40-49.
17. Зубарева В. Консилиум сфер // Вечерний Нью-Йорк, 24-26 сентября, Нью-Йорк, 1999.
18. Кожин В.В. Как пишут стихи. М., 1970.
19. Кожин В.В. Статьи о современной литературе. М., 1982.

20. Лотман Ю.М. О поэтах и поэзии.- С.-Петербург,1999.
21. Мейкин М. Конец бинарных оппозиций // Новое время.- 1991., №47,с. 46-57.
22. Науман Н. Литературное произведение. История литературы, М., 1984.
23. Овчаренко О.А. Русский свободный стих. М., 1984.
24. Орехова Л.А. Образ автора и поэтика жанра: Русская лирическая проза 20 в., Киев, 1992.
25. Петров М. К. Язык, знак, культура. М., 1991.
26. Проблема автора в художественной литературе. Межвузовский сборник научных работ (Отв.ред. Корман Б.О.), Устинов, 1985.
27. Раскина С. Инна Богачинская: «Там, за океаном» // Наша община, 26 декабря, 2001.
28. Селигер Л. Тайна избранности // Русский базар, №40, 30 сентября, Нью-Йорк, 2000.
29. Словарь поэтов русского зарубежья. (Под. ред. Крейд В.) С.-Петербург, 1999.
30. Соколов А.Г. Проблемы изучения литературы русского зарубежья. //Вестник Московского университета. Серия 9, Филология.- 1991, №5, с. 11-17.
31. Степанов Н. Поэты и прозаики, М.,1966.
32. Степанов Н.Л. Лирика Пушкина. М., 1959. с. 106-110.
33. Сухая С. Я ненавижу любые границы. // Труд, М., февраль, 2001.
34. Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино, М., с.118.
35. Финкель В. Поэты Рубежа.- Филадельфия, 1999.
36. Храпченко М.Б. Художественное творчество, действительность, человек. М., 1982.
37. Черноиваненко Е.М. Литературный процесс в историко-культурном контексте: Развитие и смена типов литературы и художественно-литературного сознания в русской словесности XI - XX веков: - Одесса, 1997.
38. Чудаков А.П. В.В. Виноградов и его теория поэтики // Чудаков А.П. Слово - вещь - мир: От Пушкина до Толстого: Очерки поэтики русских классиков. М., 1992. с. 227-247.
39. Эйхенбаум Б. О прозе. О поэзии, М.,1986.
40. Ясинська В. Найвище у світі багатство // Одеські вісті, 4 грудня 2004.
41. Антологія світової літературно-критичної думки ХХ ст. за ред. М. Зубрицької, Львів, 2002.
42. Краткая литературная энциклопедия, М., т.5, 1968.
43. Літературознавчий словник-довідник, Київ, 1997.
44. Литературная энциклопедия терминов и понятий.- М.,2001